

Л. Виноградовъ.

Г О М Е Л Ь.

ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

1142—1900 г.

М О С К В А.
Типографія Н. Н. Шаралова. Кудринская ул., д. Кирѣевой.
1900.

1.

Происхождение Гомеля относится къ незапамятнымъ вѣкамъ.

Какъ всѣ древнійшіе города, онъ не помнить года своего основанія, такъ какъ возникъ еще въ то время, когда люди не знали ни письменности ни лѣтосчислѣнія; вѣрнѣе всего, что начало его было положено одной, двумя хижинами какихъ-нибудь полудикихъ звѣролововъ или рыбаковъ, бывшихъ первыми поселенцами здѣшняго края.

Холмъ, господствовавшій надъ сланіемъ Сожа и Ипти и занимавшій одно изъ самыхъ красивыхъ и выгодныхъ положеній на всемъ протяженіи обѣихъ рѣкъ, прежде другихъ покрылся поселкомъ. Пересядвшіяся другъ за другомъ племена временно занимали его и затѣмъ опять уходили, пока славянское племя радимичей, разселившееся по Сожу, окончательно не удержало его за собой.

Это былъ Гомій, прародитель нынѣшняго Гомеля. Звѣроловство, рыбная ловля и выдираніе меда изъ бортныхъ деревьевъ были обычными занятіями его обитателей — гомьянъ¹⁾). Гомьянѣ не имѣли князей, но сами судили и рядили о своихъ нуждахъ на вѣчахъ и вмѣстѣ съ всѣмъ племенемъ платили дань сперва хозарамъ по щелягу, а потомъ пришельцу съ сѣвера князю Олегу. Въ 10 вѣкѣ этотъ князь, идя грабить Византію, взялъ съ собой радимичей, и многіе изъ нихъ вернулись на родину съ богатой добычей; кто-то принесъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ арабской чеканки, которыхъ потомъ, какъ кладъ, были случайно открыты въ самомъ Гомелѣ²⁾). Съ того же времени радимичи стали платить дань князьямъ Рюрикова племени, хотя въ княженіе Владимира Святого и сдѣлали неудачную попытку освободиться отъ ихъ власти.

Сказаній о языческомъ періодѣ ни въ здѣшнемъ населеніи ни въ лѣтописяхъ не уцѣлѣло; только языческій богъ Перунъ, сколько намъ извѣстно, долго сохранился въ народной памяти, давая одному островку, что подаѣтъ с. Кузминичъ, имя Перуновскаго³⁾.

Въ 11 столѣтіи Русь распалась на удѣльные княжества, и ради-
ми достались черниговскимъ князьямъ. Когда послѣдніе стали наѣз-
жать къ вимъ для сбора дани, то городокъ Гомій, первенствовавшій
среди другихъ и своимъ положеніемъ и укрѣпленіями изъ деревянаго
частокола, сдѣлался излюбленнымъ мѣстомъ на время ихъ пріѣздовъ.

Правда, городокъ былъ сравнительно малолюденъ и невеликъ
по размѣрамъ, такъ какъ охватывалъ только ядро нынѣшняго города—
площадь, занятую соборомъ и паркомъ кн. Паскевича,—за то онъ по-
мѣщался въ очень живописной мѣстности, между елей и сосенъ, обсту-
павшихъ его отовсюду, у ручья, впадавшаго въ многоводный Сожъ, и
считался неприступнымъ, а населеніе довольно зажиточнымъ по тому
времени.

Его название „Гомій“ неразгаданного происхожденія, но по его
окончанию и употребленію въ лѣтописяхъ можно предположить, что
оно заимствовано отъ иѣкоего Гома, отъ его имени окрестности и вся
область назывались Гомья (подразум. земля?) иногда самъ городъ назы-
вался Гомье (подразум. мѣсто?)⁴; и вообще на протяженіи 700 лѣтъ
встрѣчаются самыя разнообразныя начертанія: Гомъ, Гомье, Гомъи,
Гомей; у русскихъ изъ сѣверныхъ областей: Гоменъ, Гоменъ и Гоминъ;
по одному разу въ видѣ описки: Гомглій, Гомой, Гобля, Хемль и т. п.

Съ 15 столѣтія особенно часто его называютъ въ старинныхъ
грамотахъ Гомей. Эта форма преобладаетъ около двухъ столѣтій. Но
при польскомъ владычествѣ, подъ вліяніемъ латинскаго языка, на ко-
торомъ тогда писались государственные акты и документы, она вытѣ-
сняется новою формой, болѣе свойственной т. назыв. варварской ла-
тыни—Homel, Гомель; и послѣдняя пріобрѣтаетъ навсегда права гра-
жданства, такъ какъ по примѣру поляковъ, ею пользуются великороссы,
казаки и даже мѣстные жители⁵).

II.

... Въ туже время Ростиславъ съ
Смоленскимъ полкомъ пойде на во-
лость ихъ и вся около Гомія об-
ласть ихъ всю...

Кievskaya Ljtopisъ.

Историческая эпоха Гомеля начинается въ лѣтописяхъ 1142 го-
домъ (на 5 лѣтъ раньше Москвы), гдѣ говорится, что смоленскій князь
Ростиславъ Мстиславичъ напалъ въ войну съ черниговскими князьями
на Гомій, принадлежавшій тогда кн. Игорю Ольговичу, и взяль его
вместѣ съ тремя другими городами гомельской волости; но Ростиславъ
за отдаленностью не могъ управлять имъ, и черниговскіе князья легко
вернули свое наслѣдіе⁶).

Послѣ Игоря владѣтелемъ Гомеля былъ другой черниговскій князь Изяславъ Давидовичъ, пользовавшійся любовью у гомелянъ и самъ расположенный къ немъ, такъ что, когда ему достался велиокняжескій престолъ въ Киевѣ, и онъ долженъ былъ отдать Гомель кому-либо изъ родственниковъ, князь вопреки обычью оставилъ его за собой. Испытавъ на слѣдующій годъ неудачу и спасаясь изъ Киева бѣгствомъ, Изяславъ обратился къ своимъ гомелянамъ, у которыхъ и нашелъ пріють съ братаничемъ своимъ кн. Святославомъ Владимировичемъ, а пѣсколько дней спустя скрылся въ Гомель и великая княгиня. Лишенный престола великій князь не унывалъ въ ожиданіи лучшаго, а собравъ въ Гомель полкъ ходилъ съ нимъ воевать вятичей и взялъ у нихъ городокъ Обловъ. Въ 1160 году ему, дѣйствительно, удалось вернуть престолъ, но не надолго, такъ какъ вскорѣ скончался (6 марта 1161 г.)⁷).

По смерти Изяслава Давидовича, Гомель взялъ себѣ его двоюродный братъ Святославъ Ольговичъ, 5 лѣтъ управлявшій имъ изъ Чернигова на зависть своему племяннику, соѣднему Новгородъ-Сѣверскому князю Святославу Всеvolодовичу Грозному. Едва Святославъ Ольговичъ скончался, какъ племянникъ его послалъ своего сына захватить какъ можно скорѣе Гомель до возвращенія наследниковъ покойнаго. Тотъ такъ и сдѣлать; но возвратившійся изъ похода Олегъ Святославичъ, сынъ усопшаго, предложилъ двоюродному брату мирно помѣняться удѣлами и, отдавъ ему Черниговъ, взялъ себѣ Новгородъ-Сѣверскъ съ Гомелемъ.

Этотъ Олегъ прославился удачными набѣгами на половцевъ: съ дружиною, набранною изъ сѣверянъ и гомелянъ, онъ напалъ въ зимнее время на хана Кобяка и, разбивъ его, взялъ большую добычу.

Воинственному Олегу наследовалъ его братъ, не менѣе воинственны Игорь, герой поэтическаго сказанія о походѣ на половцевъ⁸).

Имъ оканчивается періодъ точныхъ историческихъ свѣдѣній, и Гомель на время теряется изъ виду среди княжескихъ усобицъ, распрай и неожиданного грознаго нашествія татаръ, не только стершаго съ лица земли цѣлые города и области, но и уничтожившаго самые лѣтописные памятники.

Въ смутной неизвѣстности проходятъ два столѣтія его существованія.

На протяженіи ихъ подготавляется крупный историческій переворотъ.

По уходѣ татаръ, Киевъ и Черниговъ лежали въ развалинахъ, въ Новгородъ-Сѣверскомъ царило безлюдье, а на всемъ югѣ полная анархія, и не было ни княжествъ, ни князей; только къ сѣверу въ лѣсахъ осталось малоизвѣстное, нетронутое татарами литовское племя,

управлявшееся дальновидными князьями. Литовцы жили съ русскими дружно, и не только народъ, но и князья принимали отъ нихъ христианство и обычай и охотно допускали ихъ къ высшимъ должностямъ въ княжествѣ. Постепенно русскій языкъ сдѣлался въ Литвѣ государственнымъ, на немъ писались законы, говорили литовскіе князья, и вскорѣ русская рѣчь уже слышалась по всему княжеству; съ того времени литовскіе князья, въ большинствѣ исповѣдовавшіе православную вѣру, начали занимать въ глазахъ русского населенія мѣсто ихъ бывшихъ князей рюриковичей и всѣмъ историческимъ ходомъ событий шагъ за шагомъ выдвинулись во главу безхозяйныхъ русскихъ городовъ.

Безъ сопротивленія далась имъ эта гегемонія. Минскъ, Слуцкъ, Новогрудокъ и отдаленный Брянскъ, все искони русскіе города, примкнули къ литовскимъ князьямъ, ища у нихъ защиты отъ татаръ, а за ними послѣдовали и болѣе южные, какъ Гомель, Чечерскъ, Стародубъ и пр. Такъ образовалось новое обширное русско-литовское государство, въ которомъ большая часть населенія и территоріи были русскія, а князья литовскіе⁹).

III.

Гомель вошелъ въ составъ русско-литовскаго княжества при князѣ Ольгердѣ, приблизительно около 1355 года и вмѣстѣ съ Стародубомъ образовалъ удѣлъ его племянника князя Патрикія Наримунтовича.

Князь Патрикій, равно какъ сыновья его Иванъ и Александръ, были православные и, повидимому, не нарушили мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ. Александръ Патрикіевичъ не ладилъ съ новымъ русско-литов. великимъ княземъ Витовтомъ и въ 1406 году, въ войну его съ Московск. вел. кн. Василіемъ Димитріевичемъ обнаружилъ враждебные замыслы, за что и лишился удѣла.

Послѣ этого Гомель либо управлялся черезъ намѣстниковъ либо принадлежалъ къ Стародубью, гдѣ 25 лѣтъ княжилъ братъ Витовта Сигизмундъ Кейстутовичъ, или, что еще правдоподобнѣе, былъ отнесенъ къ возродившемуся съ 1419 г. черниговскому княжеству, православный князь котораго Свитригайло, пользовался общею любовью русскихъ. Во всякомъ случаѣ, въ 1430 году онъ уже значится среди русскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ актѣ объ избраніи Свитригайла на велико-княжескій престолъ въ Вильнѣ¹⁰).

Въ 1446 году Гомельдается Казимиромъ I Ягеллончикомъ на житѣе и кормленіе бѣжалвшему отъ преслѣдованій Шемяки, боровскому удѣльному князю Василію Ярославичу. Но Василій Ярославичъ недолго

пробылъ на новомъ княженіи и, ставъ шуриномъ Василія II Темнаго, вернулся черезъ нѣсколько лѣтъ въ Москву¹¹).

Въ 1452 году перетерпѣвшій много превратностей бывшій вел. князь престарѣлый Свитригайло опять получаетъ Гомель отъ вел. кн. Казимира I, но на этотъ разъ на правахъ подчиненнаго владѣтеля.

Изъ этого периода извѣстно только, что имъ было пожаловано своему ближнему боярину Андрею Саковичу нѣсколько сель въ гомельской волости, а именно существующія и понынѣ Даниловичи, Дуровичи и Волосовичи¹²).

По смерти Свитригайла Гомелемъ владѣть бѣжалшій изъ своего удѣла Можайскій князь Иванъ Андреевичъ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ нимъ были занесены тѣ новыя вѣянія изъ Московской Руси, которая въ послѣдствіи такъ долго сказывались на судьбахъ Гомеля. Изъ дѣяній его сохранилось только указаніе на то, что онъ захватилъ по смерти Свитригайлова сподвижника Андрея Саковича его села и передалъ ихъ своимъ сыновьямъ Андрею и Семену.

Послѣдній изъ нихъ по смерти отца наслѣдовалъ Гомель и съль въ немъ книжить (около 1483 г.)¹³).

При князѣ Семенѣ Ивановичѣ Гомель представлялся типичнымъ удѣльнымъ городкомъ конца 15 вѣка, живописно ютившимся надъ обрывистымъ берегомъ Сожа и, какъ оазисъ, выдѣлявшимся среди рѣдко заселенного края. Въ болѣе или менѣе отдаленныхъ разстояніяхъ находились тянущія къ нему села: Уваровichi, Телешовичи, Тереничи, Кошелевъ Лѣсь, Морозовичи, Липичини, Полѣшаны и др. Жители гомельской волости уже не называли себя радимичами, а просто русскими, такъ какъ небольшія племенные различія къ тому времени сгладились. Городокъ раскидывался на пространствѣ разъ въ 10 меньшемъ, чѣмъ теперь и, какъ щѣпью, охватывался двумя сближающимися оврагами—Гомеюкомъ, по которому протекалъ ручей, и оврагомъ, где нынѣ устроено спускъ къ пристанямъ; на этомъ пространствѣ помѣщались избы, овины, сады, огороды. Средоточiemъ городской жизни была площадка у самаго обрыва, отдѣлявшаяся отъ остального города небольшой ложинкой, въ послѣдствіи углубленной и обращенной въ ровъ; здѣсь за землянымъ укрѣпленіемъ, называвшимся по мѣстному замокъ (то же, что у великороссовъ кремль), укрывались въ тяжелыя годы горожане и окрестные сельчане; тутъ же помѣщалась церковь во имя святителя Николая Чудотворца и дворы княжій, боярскіе и именитѣйшихъ горожанъ.

Гомелине занимались хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ охотой на пушного звѣря; бобровые гоны шли по обонимъ берегамъ Сожа, начинаясь почти подъ самымъ замкомъ. Торговыя сношенія велись болѣе

всего съ Стародубомъ, Новгородомъ-Сѣв., Чечерскомъ и Кіевомъ, куда сбывались лодки.

Правитель гомельскій князь Семенъ Ивановичъ оставилъ по себѣ много разнохарактерныхъ воспоминаній.

Строго наблюдая за сборомъ пошлинъ съ провозившихся черезъ его владѣнія товаровъ, онъ началъ братъ большую пошлину съ московскихъ купцовъ, за что вел. князь Иванъ III и жаловался на него въ Вильну (*а въ Гомель напередъ тою имали по 2 грона съ воза и съ выюка; а нынѣча князь Семенъ княжъ Ивановъ сынъ Можайского прибавилъ тридцатое...*) Были жалобы и на грабежи. Шли, напр., изъ заморья московские торговыя лоды *Тишкъ Коврижкинъ, да Григорій Лукинъ съ товарищи* и, прійдя въ Гомель, уплатили всѣ пошлины и мыты, а князю Семену поднесли въ подарокъ камку бурскую. Но князь подарка не взялъ, а велѣлъ своимъ слугамъ Андрею Олександрову сыну Чертову да Василію Тферитину съ товарищи пограбить ихъ; и отняли у купцовъ товару на 60 съ лишкомъ рублей, сумму по тому времени очень значительную (1488 г.)¹⁴).

При всемъ этомъ, князь Семенъ былъ очень благочестивъ и много жертвовалъ на храмы. Къ гомельской церкви св. Николая Чуд. онъ записалъ на вѣчныя времена земли Севастьяновщину и Богдановщину съ пашнями, бортными деревьями и всѣми крестьянами, жившими въ тѣхъ пустошахъ. Священникамъ давалось княжескими грамотами право судить крестьянъ по жалобамъ и тяжбамъ, не касавшимся городскихъ жителей, а гомельскіе воеводы не смѣли присыпать сюда приставовъ для вызова въ судъ (*дѣцкихъ на кликовщину, окромъ городскаго дѣла*). Эти права Никольской церкви долго уважались и въ послѣдствіе были даже подтверждаемы Сигизмундомъ-Августомъ (1568 г. 24 янв.) и Стефаномъ Баториемъ (въ мартѣ 1584 г.)¹⁵.

Лѣтомъ 1496 года князь єздилъ въ Вильну и получилъ подтвержденіе своихъ правъ на Гомель (и Стародубъ), да сверхъ того пожалованъ былъ Черниговомъ. Но въ этотъ разъ онъ уже успѣлъ замѣтить, что вліяніе русской партіи въ Вильнѣ слабѣло, и что великий князь Александръ явно благоволилъ иноземцамъ и особенно полякамъ, ища у нихъ поддержки для своего избранія на польскій престолъ¹⁶.

Въ мартѣ 1499 года князь выхлопоталъ себѣ вторую грамоту, точнѣе опредѣлявшую его права владѣнія волостью и собираемія даней. Въ ней уже говорилось, что князь, княгиня, ихъ дѣти и будущіе потомки вольны продать и отдать и замѣнить свою волость и къ своему ужиточному обернуть, какъ сами найльпѣй разумьючи. Словомъ, Гомель давался въ наследственную собственность семейству можайскихъ князей.

Но, даруя такія права, вел. князь Александръ принуждалъ своего вассала къ принятю католической религіи и, повидимому, такъ настойчиво и грозно, что воспитанный въ православіи и преданный ему князь Семенъ Ивановичъ предпочелъ обратиться къ своему давнему преслѣдователю Московскому вел. кн. Ивану III, прося защиты. Въ Москвѣ ему обѣщали покровительство и сохраненіе за нимъ его правъ¹⁷⁾.

Тогда кн. Семенъ Ивановичъ отпалъ отъ Литвы и съ Гомелемъ и прочими волостями присоединился къ Московскому государству.

Это было ранней весной 1500 года.

IV.

Начало 16 столѣтія съ его отпаденіемъ и присоединеніемъ было для Гомеля злополучнымъ предвѣстіемъ послѣдующей его трехсотлѣтней исторіи, когда онъ не разъ бывалъ яблокомъ раздора между Московскими и Литовско-Польскими государствами. Его пограничное положеніе на рубежѣ между враждовавшими странами обѣщало постоянныя кровавыя столкновенія, что вскорѣ и не замедлило обнаружиться. Отпраздновавъ свое избраніе на королевскій польскій престолъ, вел. кн. Александръ прислали къ вел. кн. Ивану Васильевичу посольство,透过 которое между прочимъ заявлялъ неудовольствіе: „Почто еси князя Можайскаго съ нашими отчинами, города и волостями къ себѣ еси въ службу принялъ.“ Иванъ III возражалъ: „Князья русскіе и иные многіе люди не хотять отступитися отъ греческаго закона (т. е. православія) и того ради къ намъ пріѣхали съ нашою вотчиною.“

Такъ какъ было заключено перемиріе и вел. князья породнились между собой, то князь Семенъ остался въ покоѣ и до самой смерти правилъ своими волостями подъ покровительствомъ московскихъ государей.

Пограничные грабежи повторялись ежегодно и съ его стороны и съ Литовской.

То король Сигизмундъ жалуется Василію III, что изъ Гомеля люди кн. Семена врываются въ области Литовскія до Свисочи и Бобруйска и вчиняютъ шкоду (убытокъ) большую, нижъли тые татарове, то наоборотъ. Съ той и съ другой стороны грабятъ скотъ и имущество, людей частью рѣжутъ, частью отводятъ въ плѣнъ.

Литовцы несолько разъ пытаются отнять Гомель у русскихъ; но не имѣютъ успѣха и отступаютъ; въ 1511 г. князь Семенъ удачно захватываетъ рѣчицкія села: Засовье, Чоботовичи, Калкевичи, Бацуны, Чорное, Гирево, Заспу, Левошевичи и Борки. Въ грамотѣ о перемиріи на 5 лѣтъ, данной кор. Сигизмундомъ 18 февр. 1523 г., говорилось:

„мнѣ великому господарю не зачепляти города Гомья съ волостами,” и все-таки черезъ два года оказывается, что литовскіе люди прикалаганки (по нашему: чиновники) изъ Пропойска и изъ Рычицы, не единова приходя, въ гомельской волости людей нашихъ иныхъ до смерти побили, а иныхъ головами свели къ себѣ съ женами и съ дѣтьми, а животы (скотъ) ихъ мноие похоронили... Въ 1529 и 1532 нападенія на гомельскую волость опять возобновляются¹⁸⁾.

Московское правительство укрѣпляло Гомель и держало въ немъ гарнизонъ, но когда въ княженіе малолѣтнаго Ивана IV литовцы неожиданно подступили къ Гомелю, то сидѣвшій въ немъ намѣстникъ князь Димитрій Дмитріевичъ Щепинъ-Оболенскій былъ застигнутъ врасплохъ. Литовское ополченіе придвинулось къ границѣ прежде, нежели царскіе воеводы подоспѣли на помощь гомелянамъ.

Во главѣ войска, состоявшаго изъ литовцевъ, поляковъ, союзниковъ-татаръ и иностранныхъ мастеровъ, взятыхъ для изготавленія подкоповъ, пришли гетманъ литовскій кн. Юрий Николаевичъ Радзивиллъ, кievскій воевода, державца Свисловскій панъ Андрей Якубовичъ Немировскій и гетманъ Янъ Тарновскій. Ихъ сопровождали измѣнникъ кн. Семенъ Бѣльскій и пышная ватага княжать, панять, дворянъ, рыцерства, бояръ и шляхты; находившійся при войскѣ виленскій бискупъ князь Іоганнъ сообщалъ участникамъ похода религиозное воодушевленіе. „Мы приказали имъ,” писалъ Сигизмундъ, „взять Бога на помощь, добывать замковъ нашихъ отчизны... и если бы Богъ милый да помогъ намъ достать прежде всего замокъ Гомей или хоть огнемъ его спасти.“ Королю, видимо, очень хотѣлось пріобрѣсти утраченную область съ ея моцнымъ и обороною способнымъ Гомеемъ. Пропойскимъ и чечерскимъ властямъ было заранѣе приказано выслать къ Гомелю 20 человѣкъ съ тѣмъ, чтобы, по взятіи его, тотчасъ срубить новый замокъ, прежде чѣмъ подойдетъ московская рать¹⁹⁾.

Въ послѣдніхъ числахъ іюня или въ началѣ іюля литовское ополченіе тучей надвинулось на Гомель и обложило его со всѣхъ сторонъ. Горожане бѣжали въ замокъ и вооружились кто чѣмъ могъ. Но намѣстникъ кн. Димитрій Щепинъ-Оболенскій, обозрѣвъ со стѣны тысячи непріятелей и сравнивъ ихъ съ кучкой своихъ соратниковъ, сильно оробѣлъ: были съ нимъ тутомошніе люди—немноіе гомеляне, а прибылые люди въ городѣ не поспѣли, объясняетъ лѣтописецъ²⁰⁾.

Литовская артиллерія дѣйствовала такъ удачно, что каждый выстрѣлъ наносилъ осажденнымъ страшный уронъ, хотя сами литовцы, если вѣрить Радзивиллу, не потеряли ни одного человѣка. Гомеляне были объяты ужасомъ. Правда, въ погребахъ имѣлось много кулей и достаточно пороха, такъ что можно было бы соорудить укрѣпленія и продолжать оборону; тѣмъ не менѣе, для прекращенія безполезнаго

кровопролитія, на совѣтѣ рѣшили сдаться, выговоривъ себѣ неприкосно-
веннность.

Тогда Оболенскій вышелъ съ боярами изъ замка и сдалъ его кн. Радзивиллу. Его отпустили съ миромъ въ Москву (гдѣ онъ и былъ закованъ въ цѣпі)... а затѣмъ *нѣкоторые бояре и люди учинили присягу королю Сигизмунду*.

Гомель былъ во власти литовцевъ, но кн. Радзивилль и поляки удерживали ихъ въ стѣнѣ, въ лагерѣ, опасаясь, что они разграбятъ его; счастливый покоритель уже прочилъ его своему сыну Николаю и, отправляя коморника Садовскаго къ королю съ извѣстіемъ о взятіи Гомеля, одновременно писалъ своему пріятелю Гаштольду, прося по-
вліять на короля въ его пользу.

Сигизмундъ, находившійся тогда въ Радунѣ былъ очень растроганъ, лишь только Гаштольдъ прочелъ въ многолюдномъ собраниі Радзивиллову грамоту и подробное описание осады; король, королева и королевичъ, по словамъ одного очевидца, выслушали это извѣстіе, какъ милость Божью (слышачи тую ласку Божескую вельми тому вѣдчни суть); по словамъ же Гаштольда, король отъ волненія и радости чуть не запла-
калъ, а свита и дворянѣ и въ самомъ дѣлѣ расплакались отъ радости. Король благодарилъ Радзивилла и обѣщалъ помнить его услугу, но относительно пожалованія его сыну замѣтилъ, что по возвращенію въ Литву не откажеть въ просьбѣ (22 июля)²¹⁾.

Правленіе старость.

Едва снялись литовскіе шатры и войско двинулось къ Стародубу, какъ изъ пѣненного замка стали выходить русскія семьи, пожелав-
шія выселиться съ родного пепелища. Многіе ушли за рубежъ подъ державу московскую, но и тѣ, кто остался, сохранили въ себѣ прі-
вязанность къ старому правленію, съ которымъ ихъ сближала общность языка, вѣры и обычаевъ. Въ то время литовское правительство находилось уже подъ польскимъ вліяніемъ, какъ прежде было подъ рус-
скимъ. Послѣ соединенія Польши и Литвы подъ скипетромъ литовской династіи, поляки усиленію начали переселяться въ Литву и въ рус-
скія земли, принадлежавшія ей, и вездѣ съ успѣхомъ вытѣснили са-
михъ литовцевъ.

Такимъ образомъ и Гомель, принадлежа по праву литовцамъ, фактически оказался подъ вліяніемъ польскихъ властей, законовъ и государственного строя.

Черезъ мѣсяцъ, по взятіи Гомеля, король поручилъ кн. Радзивиллу наложить на гомелянъ мыто и дани, по своему усмотрѣнію; а 21 сен-

тября подпісалъ грамоту о назначеніи въ Гомель державцей, по ходатайству кн. Радзивилла, князя Александра Андреевича Каширского, временно, до его воли господарской, и безъ права собирать въ свою пользу дань денежную и медовую, бобрами и куницами, такъ какъ она шла въ королевскую казну ²²).

Кн. Каширскій недолго считался державцемъ: черезъ 8 мѣсяцевъ его смѣнилъ князь Василій Юрьевичъ Толочинскій, а Толочинскаго въ свою очередь черезъ нѣсколько лѣтъ замѣстилъ Янъ Дорошкевичъ, присланный откуда-то изъ Польши ²³).

Опѣрь вскорѣ незлобилъ русскихъ священниковъ, отнялъ у нихъ пожалованія еще княземъ Семеномъ земли и насильно отобралъ добытые ими изъ своихъ бортныхъ деревьевъ десять пудовъ меду; кромѣ того, чинилъ кривды и утишки великие крестьянамъ, жившимъ въ Свѣастяновицѣ и Бойдановицѣ, вводилъ новины и дѣлъ своихъ до нихъ всыпалъ. Священники єздили въ Вильну съ жалобой на него вел. князю, и тотъ прислалъ грамоту съ запрещеніемъ обижать ихъ ²⁴).

По смерти Дорошкевича державцемъ былъ Янъ Хрщоновичъ. При немъ одинъ гомелянинъ, какой-то Полозовичъ, убѣжалъ за рубежъ и оттуда сталъ нападать на литовскихъ подданныхъ, дѣлая имъ великия шкоды и злодѣства. Но въ томъ же году и изъ Гомеля ходили, по-видимому, слуги державцы, на черниговскую дорогу и многихъ людей пограбили, а иныхъ до смерти побили.

Вскорѣ Хрщоновичъ, какъ и предшественникъ его, сталъ стѣснять православное духовенство въ его правахъ. Оно жаловалось новому вел. князю и получило вторую грамоту съ подтвержденіемъ земельныхъ правъ, дарованныхъ кн. Семеномъ. „Они были намъ челомъ“, писалъ вел. кн.: „прося у насъ грамоты и обороны отъ тебя: ты чинишь имъ кривды и новизны и препятствуешь имъ єздить въ ихъ же собственныя владѣнія, приказывая собирать тамъ подати въ свою пользу... Повелѣваемъ тебѣ не вступаться въ ихъ собственность и не мѣшать имъ єздить для сбора доходовъ къ крестьянамъ, живущимъ на ихъ земляхъ. Обороняй ихъ во всемъ согласно грамотамъ кн. Семена Можайскаго и бери съ тѣхъ крестьянъ только такія повинности, которыхъ указаны“ ²⁵).

6 сент. 1547 г. Гомель съ волостью былъ пожалованъ въ награду важному сановнику королевскому писарю Оникею Горностаю. Новый державца или староста мало входилъ въ мѣстные дѣла; при немъ гомельскій гарнизонъ во главѣ съ хорунжимъ Ржевскимъ ходилъ грабить пограничныя московскія села и въ с. Микуличахъ *на грабилъ на 1200 руб. коней татарскихъ и кобыль и мериновъ и животныхъ рогатыхъ, и саадаковъ и сабель и рогатинъ и съделъ и меду и воску топленаго и платья всяка и рухляди;* примѣръ Ржевскаго слѣдовали не менѣе

предпріимчивые грабители: Мартинко Сухарь, Мартинко Бобровенокъ, Митька Пацутина и др., открыто разбойничавшіе на границѣ, снимавшіе съ церквей колокола, угонявши скотъ и выдиравшіе пчель, главное богатство того времени²⁶).

Изъ послѣдующихъ старость известны цаць Коленицкій, литовскій вельможа Тышкевичъ и Михайло Мышка-Варховскій²⁷).

При старостѣ Тышкевичѣ было составлено чрезвычайно любопытное и единственное въ своемъ родѣ описание Гомельского замка съ его укрѣпленіями и боевыми запасами, города и всѣхъ сель Гомельской волости съ указаниемъ получаемыхъ отъ нихъ доходовъ; по первая части этой описи, къ сожалѣнію, безслѣдно затеряны, послѣдняя же сохранилась. Изъ нея видно, что къ Гомелю въ концѣ 16 вѣка были приписаны села: Романовичи, Добруша, Демьяновичи, Березцы, Тростинъ, Корма, сельцо боярское Кузьминичи, Головинцы, Даниловичи, Лагуновичи, Прибытовичи, Марковичи, Терешковичи, Дятловичи, Носовичи, Утье, Юрковичи, Озаричи, сельцо боярское Рыловичи, сельцо бояр. Вага, с. б. Севруки, с. б. Слобода, Бобовичи, Волковичи, Телеси, Тереничи, Губичи, Бацуны, Морозовичи, Пиреевичи, Кошелево, Уваровичи, Даниловичи, Новоселки, Волотова и Плесо. Въ волости насчитывалось 202 дыма или подворныхъ владѣнія; они составляли 88 „службъ“. Съ каждой службы бралось подать въ королевскую казну по 50 грошей, по „1 бочкѣ жита ровной, безъ верха и не трясеной“, по 1 бочкѣ овса, по 4 пѣниза съ воза сѣна, за Ѣзовщицу по 6 грошей, за медъ и за отвозъ его по 25 грошей съ пятерного пуда, кромѣ того отдѣльные подати брались за ловы рыбные, бобровые, звѣринные и птичіи. Державцѣ полагалось собирать въ собственную пользу съ каждой службы по 6 грошей, по два воза сѣна (каждый цѣною въ 3 гроша), по 2 воза дровъ, полбочки жита и столько же овса, по самый большой доходъ державцѣ поступалъ отъ судебныхъ пошлинъ, отъ замковой мельницы на р. Узѣ и отъ корчмы. Съ одного Гомеля въ королевскую казну шла 141 копа 20 грошей $2\frac{1}{3}$ пѣниза деньгами, не считая большихъ доходовъ натурою, и съ волости 304 копы 16 гр. 9 пѣнизей²⁸). Въ привилегированномъ положеніи относительно податей находились крупные земельные собственники, называвшіеся въ Гомельскомъ староствѣ боярами; этимъ титуломъ пользовались не только потомки бояръ, пожалованныхъ, наприм., можайскими князьями, но и вообще зажиточные землевладѣльцы. Изъ числа такихъ бояръ самыми видными были Левонъ Григоровичъ Волкъ, Левъ Шарында, Милько Охремовичъ, Бѣлко Кожемячинъ, Василій и Андрей Халецкіе, Исаій и Павель Харковичи, Сидоръ Коноплицкій, Иванъ Фашъ, Иванъ и Нечай Хомиры.

Однако вліяніе этихъ бояръ уже не переходило изъ ихъ помѣстій за городскую черту, какъ было прежде.

Послѣ нихъ выдающимися собственниками были священники 3 гомельскихъ церквей: настоятель замковой церкви св. Николая о. Семенъ, пользовавшійся Шиншатуровской землей близъ Добруша, Песоцкой близъ с. Уты и Колбасовщиною при с. Старомъ; настоятель Спасской церкви о. Іерофей Ивановичъ — землей близъ Дятловичъ, островомъ Мильчицкимъ, Михалевщиной и Моходовщиной; свящ. Троицкой церкви Феодоръ Ивановичъ селомъ Плесомъ, даннымъ па приданъ св. Онуфрія, и діаконъ той же церкви Григорій Лукьяновичъ—Михалевской близъ Романовичъ и Бушмановской у Лагуновичъ. Хорошо обеспеченное духовенство имѣло большое вліяніе среди православнаго населенія.

Новые старости систематически насаждали польское землевладѣніе путемъ раздачи полковникамъ, ротмистрамъ и хорунжимъ гомельского замковаго гарнизона земель съ закрѣпощенными крестьянами; короли жаловали угодья прочимъ шляхтичамъ „въ кормленье“ наградою за службу ²⁹).

Изъ года въ годъ численность польского населенія въ Гомельскомъ староствѣ прибавлялась, положеніе его упрочивалось и польское господство усиливалось.

Замокъ наполнился пушкарями, жолнерами, гусарами, разноплеменными и разноязычными. За шляхетствомъ и военными пришли евреи-шинкари, маркитанты, перекупни, факторы, и политическое закрѣпощеніе гомелянъ повелось рука обь руку съ экономическимъ поработоченіемъ ихъ.

Особенно много въ этомъ направленіи было сдѣлано Богданомъ, Андреемъ и Павломъ Сапѣгой, которые около 50 лѣтъ считались Гомельскими старостами, преемственно наслѣдуя его одинъ за другимъ. Послѣдніе два до крайности увлекались идеей о совращеніи въ католичество православныхъ, жившихъ въ зависимости отъ нихъ; (въ то время этой мыслью, какъ известно, было охвачено все польское общество.) Но такъ какъ православные добровольно не измѣняли своей религії, то, по обычаю того грубаго вѣка, ихъ принуждали къ этому угрозами, побоями, тюрьмами, конфискаціями и прочими насилиями, а для тѣхъ, кто затруднялся принять сразу католичество, изобрѣли облегченный переходъ, такъ называемую, унію.

Много гоненій и непріятностей натерпѣлись гомеляне отъ проповѣдниковъ этой уніи; въ 1621 году известный гонитель православныхъ Іосафатъ Кунцевичъ отнялъ даже у нихъ церковь во имя св. Николая, которую они не могли отстоять только потому, что она находилась не въ городѣ, а въ замкѣ, куда доступъ для нихъ былъ затрудненъ ³⁰).

Преслѣдованія за вѣру, продолжавшіяся при Александрѣ Служкѣ

и сынъ его Сигизмундъ, разжигали въ гомелянахъ ненависть къ Польшѣ и они съ тайной надеждой уже смотрѣли на своихъ черниговскихъ и стародубскихъ сосѣдей, ожидая отъ нихъ освобожденія³¹). Гетманъ вольнолюбиваго казачества Богданъ Хмѣльницкій ободрялъ гомелянъ своими письмами и, наконецъ, началъ свою знаменитую борьбу въ защиту религіи и русской національности.

Еще въ 1648 г. посыпалъ онъ на Гомель полковника Шеболтаснай съ 6 сотнями казаковъ изъ Мѣны и Богдана Щебоченка съ 3 сотнями изъ Новг.-Сѣверска. Гомельскіе поляки въ тревогѣ заперлись въ замкѣ, но Шеболтаснай, немного не дойдя до Гомеля, былъ отзванъ на задѣ³²).

Господство казаковъ.

Весной 1649 года полковникъ Небаба съ 2500 казаками и съ гомельскими крестьянами появился подъ Гомелемъ въ самый канунъ Пасхи, въ страстную субботу, и при содѣйствіи самихъ горожанъ овладѣлъ имъ; произошла страшная рѣзня, казаки мстили безпощадно: погибло много поляковъ и, какъ говорятъ, до 1500 евреевъ. Казаки говорили польскимъ властямъ: „хотя бы Хмѣльницкій и хотѣлъ помириться, да не можетъ: чернь до того разсвирѣблѣла, что рѣшилась или истребить шляхту или погибнуть“.

Однако Небаба недолго продержался въ Гомелѣ, такъ какъ Пацъ и Воловичъ, а потомъ Литовскій гетманъ князь Янъ Радзивилль принудили его уйти на лѣвый берегъ Сожа³³.

Поляки снова укрѣпили замокъ, наполнили погреба порохомъ, по стѣнамъ поставили пушки и ввели наемные отряды венгерской и нѣмецкой пѣхоты да хоругвь (роту) татаръ, но съ без tactной политикой не разстались.

Тѣмъ временемъ казаки во главѣ съ своимъ гетманомъ отложились отъ Польши и присоединились къ Московскому государству, а Богданъ Хмѣльницкій упросилъ царя прійти на помощь и тѣмъ русскимъ, которые остались пока подъ властью короля. Всѣдѣ за этимъ казаки и московскія войска съ двухъ сторонъ вступили въ королевскія земли. Изъ Новгорода-Сѣверска пошелъ на Гомель шуринъ Хмѣльницкаго, наказной атаманъ Иванъ Золотаренко, предшествуемый молвой будто съ нимъ 40 и даже 100 тысячъ, хотя на самомъ дѣлѣ, онъ не имѣлъ и 20 тысячъ (июнь 1654 г.).

Польскій гарнизонъ спѣшилъ укрыться за замковыми укрѣплѣніями, и 20 июня ему открылось зрелище, какъ иѣсколько тысячъ казаковъ подъѣзжали и подходили къ городу, какъ Золотаренко и Петръ Забѣлло разставляли пушки вокругъ замка по улицамъ и по

окрестнымъ холмамъ, и какъ всѣ готовились къ первому приступу. Но черезъ день къ осаждающимъ приѣхалъ бояринъ князь Александръ Никитичъ Трубецкой и не велѣлъ приступаться къ замку, опасаясь большого урона. Послѣ этого рвение казаковъ охладѣло, и большая часть ихъ, не торопясь окончаніемъ осады, разошлась загонами жечь замки Рѣчицу, Злобинъ (Жлобинъ), Рогачевъ, Горваль и Стрѣшинъ, *чинившие имъ прежде многою шкоды*, а Золотаренко остался съ прочими донимать осажденныхъ голодомъ, безводьемъ и пушечной пальбой.

Взятые Золотаренкой „языки“ показывали, что въ Гомель заперлись не 2000 человѣкъ, какъ онъ первоначально думалъ, а только 700, и что среди нихъ находились староста Рудскій, хорунжій князь Жижемскій, полковникъ Бобровницкій и командиръ наемнаго отряда изъ иѣмцевъ иѣкій Михаилъ Сверской. Золотаренко посыпалъ имъ письма, отъ имени царя и гетмана приглашая ихъ сдаться, но тѣ въ отвѣтъ высыпали казакамъ увѣщанія снять осаду и *песъми своими тубами нарушили достоинство царскаго величества*.

14 іюля въ лагерь приѣзжалъ царскій подьячій Иakovъ Портомонъ передать грамоту съ извѣстіемъ обѣ успѣхахъ московскаго оружія и осмотрѣть, какъ ведется осада; ему все показали и онъ уѣхалъ обратно.

26 іюля прискакали царскіе гонцы Иванъ Кровковъ, Григорій Куракинъ, Ларіонъ Алексѣевъ и др. съ грамотой, чтобы Золотаренко, оставивъ Гомель, скорѣе шелъ на помощь царскимъ войскамъ; но наказной атаманъ упорствовалъ, послалъ своего брата Василія Никифоровича, Ивана Нестеренко и Петра Забѣлло съ 1000 казаковъ, а самъ продолжалъ осаду. По словамъ одного польского автора, онъ велѣлъ встащить иѣсколько пушекъ на колокольню Спасской церкви и оттуда стать стрѣлять по замку, чѣмъ нанесъ страшный уронъ литовцамъ. Положеніе гарнизона ухудшилось еще отъ того, что казаки отрѣзали подвозъ провіанта и спускъ къ Сожу за водой ³⁴⁾.

Томимые голодомъ и жаждой осажденные въ концѣ восьмой недѣли рѣшили сдаться на великодушіе побѣдителя и 13 августа объявили обѣ этомъ Золотаренкѣ. Онъ предложилъ имъ принести присягу вѣрноподданически служить царю Алексѣю Михайловичу. Когда поляки и иѣмцы исполнили это, каждый по обрядамъ своей вѣры, Золотаренко далъ всѣмъ полную свободу: собранные въ Гомель старшины и челядь присоединились къ казакамъ и участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ; пѣхота папа Гедройца, рота татаръ и венгерская пѣхота были размѣщены по куренямъ; иѣмецкая пѣхота отправилась на стоянку по деревнямъ, а командръ ея перешелъ на службу къ царю. Лукавые Рудскій и Жижемскій пріятельски сблизились съ Золотаренкой и иѣкоторое время сопровождали его въ дальнѣйшемъ походѣ къ Черческу, но потомъ опять передались къ своимъ въ Быховъ. Иѣсколько

поляковъ и нѣкто Фашъ были отосланы къ царю; царь Алексѣй Михайловичъ, какъ разсказывали, пожаловалъ казакамъ на память объ осадѣ Гомеля небольшія золотыя медали, прозванныя „золотыми копейками“³⁵).

Гомель снова принадлежалъ Московскому государству, и русская часть его населенія свободнѣе вздохнула, когда пронесся царскій указъ: *унеятомъ не быть, жидамъ не быть и житія никакого не имѣть.*

Казаки господствовали надъ всей Бѣлоруссіей, преемникъ Золотаренка Иванъ Нечай гордился титуломъ „полковника Гомельского“, царь Алексѣй Михайловичъ жилъ въ литовской столицѣ Вильнѣ, и одно время успѣхъ русскихъ казался вездѣ обеспеченнымъ; но тутъ среди казаковъ образовалась бунтовавшая партія, погубившія всѣ надежды.

Отъ ея захватовъ Гомель оберегался сперва Черниговскимъ и Чадаевымъ полкомъ, а потомъ Заватцкимъ и Рославченкомъ съ задисенскими сотнями. Наконецъ, Василий Золотаренко, братъ покойного атамана и самъ нѣжинскій полковникъ, будучи въ Москвѣ выпросилъ у царя Гомель въ награду за свою вѣрную службу и для обереженія отъ враговъ. Царь милостиво пожаловалъ „Гомель съ волостью и съ уѣздомъ и всѣми угодьями ему, его женѣ и наслѣдникамъ“³⁶). Это пожалованіе состоялось въ мартѣ 1661 года, но осуществиться уже не могло, такъ какъ замкомъ завладѣлъ измѣнникъ нѣкій Мурашка.

Новый правитель былъ типичнымъ сыномъ буйного и своевольнаго 17 вѣка; полуказакъ, полуляйтъ, онъ не зналъ высшаго закона, какъ собственная его шашка, и обманывая обѣ стороны, къ удивленію, сумѣлъ продержаться въ Гомелѣ болѣе 10 лѣтъ; его товарищи набирались изъ всякаго сброва и были такими же головорѣзами, какъ и самъ онъ. Съ этимъ сбродомъ Мурашка почти каждый годъ вторгался въ глубь Малороссіи и, послѣ грабежей и убийствъ, безнаказанно возвращался домой.

Въ февралѣ 1663 года онъ предпринялъ большой набѣгъ на городъ Сѣвскъ, распустивъ слухъ, что съ нимъ 100 тысячъ войска. Золотаренко и другіе полковники вышли навстрѣчу, и Мурашка, обезкураженный раскрытиемъ своего замысла, ушелъ ни съ чѣмъ. Зимою 1664 года наканунѣ новаго года онъ нагрянулъ на села и деревни подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, разграбилъ и сжегъ ихъ, крестьянъ частью перебилъ, частью увелъ въ плѣнъ и поспѣшилъ укрыться за неприступными стѣнами своего замка. Черезъ 4 мѣсяца послѣ этой удачи, Мурашка съ 400 конныхъ и пѣшихъ поляковъ повторилъ набѣгъ на Стародубъ, но, подойдя къ нему 6 мая и увидавъ, что жители приготовились обороняться, ушелъ. Однако на полдорогъ остановился

и послалъ хорунжаго Ремишевскаго съ 80 человѣками взять „языковъ“. Тутъ на него напалъ подошедшій изъ Чернигова полковникъ Демка Многогрѣшный и разгромилъ его. Мурашка спасся только благодаря слухаю и, истекая кровью, едва-едва добрель до Гомеля ³⁷⁾.

Между тѣмъ какъ онъ медленно залѣчивалъ свои раны, день ото дня возрастала общая ненависть къ нему.

„Какъ голодный волкъ, докучаетъ нась своими нападеніями этотъ злочитреній Мурашка“, говорили о немъ казаки: „дай-то памъ, Боже, изловить этого волка!“

По веснѣ слѣдующаго года подошли къ Гомелю съ разныхъ концовъ тысячи конныхъ и пѣшихъ казаковъ. Изъ Стародуба пришелъ полковникъ Леско Острянинъ, изъ Чернигова Демка Игнатовъ съ цѣлымъ полкомъ; поднялись Иванъ Щербина и Матвѣй Винтовка съ добровольцами; къ нимъ примкнули запорожскіе удальцы и союзникъ изъ Валахіи брацлавскій полковникъ Димитрашка Райгъ съ полкомъ волохской конницы. Стали обозомъ вокругъ города, окружили замокъ окопами, подвели шанцы и рѣшили морить голодомъ злочитреніяго волка Мурашку. Хитрецъ выслалъ для переговоровъ своего товарища Черняка Нормонтовича и мѣстнаго протопопа, разсчитывая затянуть время и дождаться помощи, но казаки задержали ихъ и не отпустили къ нему.

Думая, что извѣстіе о казацкомъ походѣ будетъ сочувственно встрѣчено въ Москвѣ, гетманъ Брюховецкій писалъ: „Увѣломляю, какъ Господь Гомлемъ поблагословить“, но ему прислали въ отвѣтъ суровый указъ: „отъ Гомля отступить и зачѣпокъ ни въ чемъ не чинить“, чтобы не нарушать условій перемирія.

Казаки немедленно отпустили протопопа и „языковъ“, и пошли, кто по домамъ, кто на защиту отъ крымцевъ; одинъ Винтовка грозилъ вновь показаться подъ Гомелемъ (1666).

Но никто такъ не жалѣлъ о неудачѣ казаковъ, какъ сами гомеляне. Правленіе Мурашки довело ихъ до того, что многіе стали выселяться на Украину, а оставшіеся въ городкѣ въ количествѣ около сотни дворовъ то и дѣло увѣщавали казаковъ выбить изъ замка гарнизонъ и не разъ „со слезами просили милости у великаго государя и къ гетману присылали, чтобы великій государь указалъ городъ Гомель и ихъ всѣхъ принять подъ свою царскаго величества высокодержавную руку въ вѣчное подданство“ ³⁸⁾.

Въ 1672 году новый гетманъ Демьянъ Игнатовичъ (упоминавшійся выше полковникъ Демка) убѣждалъ московскаго государя милосердия о стародавнихъ заслугахъ войска запорожскаго принять Гомель въ свое подданство, въ виду того, что малороссийскимъ жителямъ и всей Украинѣ бываетъ отъ него великое утѣшненіе: едва наступить война на

Украинъ, говорилъ онъ, какъ поляки посадятъ въ Гомель человѣкъ со 100 своихъ, и они не пропустятъ ни единаго человѣка ни къ Стародубу, ни къ Чернигову, а нигдѣ миновать этого Гомеля нельзѧ, и великая бѣда отъ него, отъ Гомеля, чинится. Если бъ государь приказалъ взять его, мы бы завоевали его, и вся Украина успокоилась бы. Сами гомеляне къ намъ просятся, а какъ гетману не принять Гомля: войско запорожское никого не отгоняетъ". Но изъ Москвы постоянно отвѣчали, что нельзѧ брать Гомеля, такъ какъ это запрещено въ перемирныхъ грамотахъ.

Гетманъ даже предлагалъ такой планъ: захватить на время Гомель и заселить его казаками съ лѣваго берега Сожа, которые ужъ ни въ коемъ случаѣ не пропустятъ поляковъ; съ этою цѣлью онъ послалъ къ нему, на свой страхъ и рискъ, своего брата съ кошевой пѣхотой, но изъ Москвы повторились тѣ же запрещенія—и гетманъ уступилъ.

А тѣмъ временемъ и Мурашка оказался безвреденъ: покинувъ Гомель въ руки поляковъ, онъ раскаялся, просилъ принять его въ русское подданство и отправить на войну съ турками; его отпустили туда, и черезъ годъ бывшій гомельскій правитель кончилъ на чужбинѣ свою беспокойную жизнь³⁹⁾.

Послѣднія сто лѣтъ польской власти.

Еще въ 1670 году для привлечения гомелянъ на свою сторону король далъ имъ привилегію на нестѣсненіе торговли и безпошлиный провозъ товаровъ. Но едва броженіе умовъ успокоилось, какъ съ ними начали обращаться по прежнему, и администрація таможень нарушила ее⁴⁰⁾.

Преемники Мурашки не предпринимали набѣговъ, но зато всецѣло занялись внутренней борьбой: позабывъ уроки прошлаго, они угнетали всѣхъ, кто не принадлежалъ къ польской національности и католической религії, вели борьбу противъ массы народа и, стало быть, противъ самихъ себя. Послѣдствія ея были такія, какъ и полвѣка передъ тѣмъ. Стояло казакамъ въ 1684 году при гетманѣ Самойловичѣ появиться подъ Гомелемъ, какъ всѣ гомельскія села на лѣвомъ берегу Сожа отпали отъ Польши и присоединились къ нимъ.

Спустя 25 лѣтъ въ войну съ шведами русское населеніе усердно помогало кн. Меншикову, проходившему черезъ Гомель послѣ побѣды надъ ген. Левенгауптомъ, предполагая, что царь Петръ I присоединить ихъ къ своему единовѣрному государству; и хотя надежды гомелянъ

оказались преждевременными, тѣмъ не менѣе они уже смотрѣли на него, какъ на своего заступника⁴⁰).

Вскорѣ послѣ этого, всесильная мачиха мѣстнаго старосты Красинскаго, по чьимъ-то проискамъ, стала принуждать православныхъ къ принятію иенавистной упії, а когда православные оказали единодушное сопротивленіе, то фантастически настроенная старостиха изгнала изъ Гомеля православнаго протоіерея, захватила со своими слугами соборную церковь св. Николая и завладѣла серебраюю утварью и церковными вещами. Совершивъ одно насилие, она „стала принуждать людей благочестивыхъ къ унії побоями и разными мученіями“ и уже готовилась отнять Слабскую и Троицкую церковь (1717 г.).

Тогда православные спѣшили прінести на нее жалобу, но не въ Варшаву и не къ своему королю, у которого нельзѧ было добиться правосудія, а въ Петербургъ царю Петру I. Царь вступилъ за нихъ и велѣлъ представить королю меморіаль съ приглашеніемъ прекратить подобныя несправедливости, предупреждая, что „продолженіе подобныхъ гоненій на православныхъ можетъ подать поводъ и причину къ не-пріятнымъ послѣдствіямъ“ (1720). Одновременно съ этимъ бѣлорусскій епископъ доказывалъ королевскою грамотой, что церковь св. Николая принадлежитъ православнымъ, то же говорили подъ присягой шляхта и мѣщане, но—слѣдствіе по этому дѣлу вель ксензъ Анкуда Антипаренскій, а судью былъ бискупъ виленскій, и православные не получили никакого удовлетворенія.

Такъ какъ церковь оставалась въ рукахъ уніатовъ, то православные задумали построить новую каменную церковь по привилегіи отъ князей Нейбургскихъ. Этому воспротивилась личность официально не властная, фактически сильная — мѣстный ксензъ, духовникъ Красинскихъ; постройка, къ огорченію православныхъ, не состоялась.

Въ 1737 году сгорѣли всѣ православныя церкви. На бѣду, за этимъ горемъ послѣдовало еще больше. Присланный для прошовѣданія унії іезуитъ Рушицкій употребилъ всѣ усилия, чтобы остановить постройку новыхъ церквей и, такъ какъ ему сочувствовалъ староста Гомельскій, князь Чарторыжскій, то православные на много лѣтъ остались безъ храмовъ. Земли, принадлежавшія Троицкой церкви, были захвачены Рушицкимъ. Церкви въ окрестностяхъ одна за другой отнимались въ унію; Шерстинская, Радовская, Варооломеевская и Новоселковская были насилино взяты въ самый праздникъ св. Петра и Павла въ 1737 г., а въ слѣдующемъ году была отнята церковь въ Хальчѣ; подъ городомъ въ Прудкѣ церковь сгорѣла, и новую запретили строить и т. д. и т. д.

По поводу этихъ гоненій православный архіепископъ обращался къ русскому правительству, прося заступничества. „Гомель есть вотчина

князей Чарторыжскихъ,” писалъ онъ: „изъ этого слѣдуетъ, что и этотъ остатокъ епархіи весь перейдетъ въ унію. И если только всемогущая Россійская держава не поможетъ здѣшнимъ православнымъ, то очень можетъ быть, вскорѣ здѣсь и не къ чему и не на что будетъ содержать православнаго епископа...“ Съ нимъ одинаково думала и его паства. Какъ она ослабѣла, и какъ усилилась проповѣдь уніи и католицизма, можно судить по тому, что за одни 9 лѣтъ съ 1734 г. по 1743 г. у русскихъ было отнято 128 храмовъ, и за короткій срокъ 140 дворянскихъ фамилій въ Литвѣ приняли католичество.⁴²⁾

То, что дѣжалось въ Гомелѣ, представляло еще слабую степень давленія, и трудно себѣ представить, до чего бы оно дошло, если бы сама Польша не ослабѣла. Но послѣдніе дни ея уже были сочтены и она быстро клонилась къ упадку.

Послѣднимъ старостою былъ князь Михаилъ Чарторыжскій „князь на Клевані и Жуковѣ, канцлеръ коронный Литовскій“ человѣкъ любившіймагнатскую пишность и до крайности преданный духу нетерпимости. Онъ получалъ съ Гомеля и волости огромные доходы: одной такъ называемой кварты въ казну взималось (до 1772 г.) 20752 злотыхъ или въ 5 разъ больше, чѣмъ съ сосѣдней Рѣчицы и въ 4 раза, чѣмъ съ Рогачева, и 3832 злотыхъ гиберны (золотъ равнялся 60 коп. того времени). Чарторыжскій (по-блорусски Чарторыйскій) построилъ новый крѣпкій дубовый замокъ съ бойницами, углубилъ рвы и на валахъ поставилъ деревянныя стѣны или палисады съ подъемными мостами. Для католиковъ онъ соорудилъ новый деревянный костель и сильно поддерживалъ уніатовъ. Приходъ къ Гомельскому костелу считался очень богатымъ, и въ 1768 году сюда былъ назначенъ ксенозомъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдниковъ того времени Станиславъ Богушъ-Сестренцевичъ, гуманистъ и образованный человѣкъ, переводчикъ сочиненій Мекэнзи „О здоровье“, и впослѣдствіи вице-президентъ Имп. Академіи Наукъ; но вскорѣ его замѣнилъ другой. Въ концѣ своей жизни Чарторыжскій возсталъ противъ короля и польского сената за изданіе ими закона о вѣротерпимости къ диссидентамъ (т. е. некатоликамъ) и организовалъ мятежную конфедерацию, но не имѣлъ успѣха и рѣшился бѣжать за-границу; кромѣ богатствъ, имъ были увезены важные документы касательно Гомеля, царскія и королевскія грамоты и пр.⁴³⁾

Уже давно Польша стремилась къ гибели: войска и отдѣльные папы захватывали цѣлые области, нападали другъ на друга, вели травлю на русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ, на православныхъ, лютеранъ и кальвинистовъ; король усмирялъ своеvolъныхъ пановъ при помощи иноземныхъ войскъ; въ странѣ не существовало ни администраціи, ни правосудія. Призываляемые безсильнымъ правительствомъ русскіе, ав-

стрійськіе и прусскіе генералы ходили съ войсками по польскимъ владѣніямъ, возстановляя вездѣ порядокъ.

Наконецъ, угнетаемая часть населенія стала проситьсосѣднія правительства избавить ее отъ польской власти, что тѣ, по предложению Фридриха II, и сдѣлали.

Въ 1772 г. императрица Екатерина II присоединила къ Россіи Бѣлоруссію, а въ ней и Гомель.

230-лѣтнєе литовско-польское владычество кончилось для него.

Переселеніе старообрядцевъ.

Еще въ началѣ 18 вѣка при Петре I и его преемникахъ въ Гомельскую волость черезъ рубежъ стали переходить русскіе—калужане, орловцы и тверяне, искавшіе свободнаго отправленія богослуженія по старопечатнымъ книгамъ и привлеченные въ здѣшній край моловой о непроходимости лѣсовъ, обѣ отсутствіи двойныхъ налоговъ, рекрутчины и паспортовъ и о полной готовности пановъ уступать имъ землю.

Все это было вѣрю. Движимые своеокрыстными и отчасти политическими соображеніями гомельскіе старосты Василій Красинскій, а затѣмъ его преемники Отома и Николай Красинскіе не останавливали этого массового переселенія. Великорусскіе выходцы расходились по всей волости, занимали всѣ поправившіеся имъ лужайки и пролѣски, строили около источниковъ келліи и небольшіе монастырки и основывали поселки, презрительно сторонясь отъ мѣстныхъ жителей и братски поддерживая другъ друга. Старостамъ и панамъ они вполнѣ исправно платили за землю, требуя одного, чтобы тѣ не вмѣшивались въ ихъ дѣла. Благодаря этому, старообрядцы составили особый мірокъ, чуждавшійся мѣстныхъ нуждѣ и жившій собственными интересами. Одинъ изъ ихъ поселковъ незамѣтно выросъ подъ самымъ Гомелемъ въ полуверстѣ отъ замка и вскорѣ обратился въ Спасову слободу (т. е. свободную общину), насчитывавшую до сотни дворовъ.

Гомельскіе старообрядцы соперничали зажиточностью даже съ сосѣдними вѣтковцами, у которыхъ тогда былъ собственный епископъ Епифаній, и выстроили у себя церковь во имя Преображенія Господня, во всемъ подобную вѣтковской. Стоявшиѣ во главѣ ихъ попы Іоакимъ и Матвѣй убѣждали ихъ устроить у себя раскольничью епископскую каѳедру и, если вѣтковцы не отдадутъ Епифанія, то насилино увести его въ Гомель. По ихъ совѣтамъ, гомельскіе старообрядцы 31 марта 1735 года толпами пошли на Вѣтку добывать Епифанія, но неожиданное вмѣшательство разстроило ихъ планы.

Правительство императрицы Анны Иоанновны, пользуясь бесиліемъ Польши, изъ фискальныхъ соображеній приказало полковнику Сытину вступить въ польскіе предѣлы и вывести обратно въ Россію вѣтковскихъ старообрядцевъ. Это было исполнено 1 апр. 1735 г.; гомеляне, увидавъ, что полки Сытина окружаютъ Вѣтку, спѣшили по домамъ, а нѣкоторые изъ нихъ тутъ же рѣшили добровольно уйти въ Россію: разобрали свою церковь и во главѣ съ Варлаамомъ Казанскимъ переселились въ Клинцы⁴⁴⁾.

Но съ уходомъ ихъ притокъ старообрядцевъ въ окрестности Гомеля не ослабѣваль. Около 1750 г. пришелъ изъ Вереніи пѣкій Макарій, положившій начало Макарьеву-Терловскому скиту; около того же времени возникли скиты: Филатовъ въ 15 верст. отъ города; Спасскій въ предмѣстіи города съ игуменомъ Валаамомъ; Анфимовъ, основанный въ 1750 году псевдо-епископомъ Анфимомъ надъ Сожомъ въ 10 вер. выше Гомеля, въ урочищѣ Боровицы, на мѣстѣ уцѣлѣвшей отъ 1735 года часовни; въ 1760 г. Паҳомьевъ и одновременно Асафовъ скитъ, построенный выходцемъ изъ Гжатска, старцемъ Іосафомъ въ урочищѣ Чолинскій или Чонскій обрывъ; первенствующее мѣсто среди всѣхъ ихъ принадлежало Лаврентьеву, основанному еще въ 1735 году ка-лужскимъ выходцемъ Лаврентіемъ. Недостатокъ въ священнослужителяхъ побуждалъ гомельскихъ старообрядцевъ обращаться еще въ 1759 г. къ Синоду съ просьбой о поставлениі имъ епископа по старымъ книгамъ, но это было отклонено. Ихъ зажиточность и взаимная поддержка были соблазномъ къ тому, что нѣкоторые изъ православныхъ и уніатовъ стали переходить въ ихъ согласія, чѣму, конечно, много способствовало легковѣріе простодушныхъ бѣлоруссовъ.⁴⁵⁾

Послѣ присоединенія Гомеля къ Россіи, старообрядцы нашли себѣ могущественныхъ покровителей въ лицѣ Румянцевыхъ, и ихъ самобытность была надолго обеспечена.

Гомель при Румянцевыхъ.

Вслѣдъ за бѣгствомъ Чарторыжскаго, Гомель былъ конфискованъ въ казну и сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Рогачевской провинціи.

Прошло три года, и Императрица Екатерина II, зная, что здѣсь есть все для роскошной помѣщичьей жизни, рѣшила пожаловать его герою Турецкой войны и Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, только что вернувшемуся изъ похода, фельдмаршалу Румянцову. Въ указѣ по этому поводу говорилось: „жалуется для увеселенія его деревня въ 5000 душъ въ Бѣлоруссіи.“

Деревня эта была — Гомель съ окрестностями и 293 тысячами десятинъ земли.

Когда гр. Румянцовъ-Задунайскій пріѣхалъ сюда, то увидѣлъ, что это не деревня, а хорошо укрѣпленный замокъ и довольно богатый торговый городокъ съ польскимъ, русскимъ и еврейскимъ населеніемъ; но особенно ему понравился замокъ, въ которомъ онъ чувствовалъ себя полуфеодальнымъ владѣльцемъ. Такъ какъ остававшіеся свободными гомельскіе мѣщане были большею частью обращены въ крестьянство и подчинены суду и власти своего владѣльца, то присутствіе уѣзднаго

Гр. П. А. Румянцовъ. 1725 — 1796.

комиссара и чиновниковъ сдѣлалось до нѣкоторой степени излишнимъ и стѣснительнымъ для владѣльца, а потому, въ виду его настоящей, возникъ вопросъ о перенесеніи присутственныхъ мѣстъ въ другой городъ. Въ сенатѣ, отъ которого зависѣло рѣшеніе этого вопроса, было отдано предпочтеніе созданію нового города.

По порученію оберъ-прокурора кн. Вяземскаго, могилевскій губернаторъ Пассекъ подыскалъ для него мѣсто. Это была опушка казеннаго лѣса въ 3 вер. отъ Гомеля и въ 1 вер. отъ лѣв. берега Сожа, на-

зывавшаяся казенной Щокотовской дачей и застроенная десятками двумя старообрядческихъ дворовъ; отъ протекавшаго невдалекъ ручья будущій городъ былъ названъ *Бѣлицю*.⁴⁶⁾)

Сюда при новомъ раздѣлениі губерніи на уѣзды въ 1777 г. были переведены правленіе уѣзди. комиссара и уѣзди. судь, а Гомель оставленъ частно-владѣльческимъ мѣстечкомъ. Такъ какъ жителей въ Бѣлицѣ насчитывалось очень мало и изъ нихъ нельзя было составить городскаго поселенія, то по Высочайшему повелѣнію была куплена сосѣдняя деревушка Севруки съ 125 душами мужск. пола, принадлежавшая г. Устиновичевой и помѣщикамъ Хелчевскимъ, и крестьянамъ было предложено, записавшись въ мѣщанство, переселиться въ Бѣлицу; много евреевъ нахлынуло сюда, едва разнеслась вѣсть объ учрежденіи нового города; за то коренное щокотовское населеніе, къ удивленію, стало проситься о перечисленіи въ крестьянство, и Сенатъ уважилъ его просьбу.

Такъ, искусственными мѣрами былъ призванъ къ жизни новый административный центръ—межъ песковъ и болотъ, въ низменной мѣстности, въ отдаленіи отъ рѣки; онъ состоялъ сплошь изъ избушекъ и около 30 лѣтъ не имѣлъ церкви; Духовное Управление помѣщалось въ Гомелѣ, хотя и называлось бѣлицкимъ. Никто изъ дворянъ, жившихъ въ Гомелѣ, не переселился сюда; 2 ярмарки и все торговое оживленіе остались по-прежнему въ помѣстїи Румянцова. Бѣлицѣ было суждено прозябать: въ 1788 г. она не могла отпускать „даже 500 руб. на содержаніе хотя бы *малаго* училища, по причинѣ *малаго* числа жителей, а оттого и *малаго* дохода“.⁴⁷⁾)

Между тѣмъ Гомель обстраивался. Хотя Румянцовъ бывалъ въ немъ только по временамъ, тѣмъ не менѣе онъ воздвигъ у себя въ замкѣ каменный дворецъ, гдѣ жили его сыновья Николай, Сергій и Михаилъ и управляющіе мѣстечкомъ^{48).}

Въ 1796 г. 8 дек. скончался фельдмаршаль, и мѣстечко перешло по наслѣдству къ его старшему сыну гр. Николаю Петровичу, со вступленіемъ котораго въ управленіе для мѣстечка открылась новая эра. Сперва придворный, потомъ сенаторъ, главный директоръ водяныхъ коммуникацій и экспедиціи о устроеніи государственныхъ дорогъ, министръ коммерціи, членъ верховнаго совѣта и, наконецъ, государственный канцлеръ, онъ находилъ среди своихъ занятій время, чтобы съ любовью отнестиць къ мѣстнымъ нуждамъ. Его имя памятно въ отечественной исторіи, какъ дѣятеля, потрудившагося для благосостоянія промышленности, торговли, искусствъ и народнаго образованія въ Россіи, но особенно обязанъ ему его родной Гомель, которому онъ отдалъ свои послѣдніе годы, силы, энергию и состояніе. О немъ можно сказать, что, заставъ Гомель соломеннымъ, онъ оставилъ половину его каменнай.

При немъ въ 1797 году мѣстечко обогатилось первымъ собственнымъ разсадникомъ просвѣщенія, скромнымъ по своимъ цѣлямъ и средствамъ, но громкимъ по названию— „гимназіей.“ Гимназія давала своимъ питомцамъ, дѣтямъ обывателей и окрестнаго духовенства, самыя элементарныя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ, счисленіи и каллиграфіи, и ея первымъ учителемъ былъ „философъ“ (воспитанникъ старшаго отдѣленія) Могилев. Духовн. Семинаріи Феодоръ Голодковскій, ревностно исполнявшій свои преподавательскія и директорскія обязанности. Гимназія неохотно посыпалась сыновьями духовенства, такъ что консисторія возложила обязанность наблюденія за отдачей въ нее школьніковъ 6—8 лѣтнаго возраста на Бѣлицкое Духовн. Правлешіе, напоминая, что „Дух. Правл. могло и всегда должно ненуждать нерадивыхъ отцовъ къ доставленію своихъ дѣтей въ тамошнюю гимназію неупустительно; въ противномъ же случаѣ оштрафуется оное (правлешіе) за таковое упущеніе вмѣсто тѣхъ отцовъ строжайшимъ штрафомъ.“ Рѣшительный тонъ указа возымѣлъ дѣйствіе, и гимназія стала наполняться питомцами всѣхъ возрастовъ, но вскорѣ усвоила исключительно духовный характеръ и черезъ нѣсколько лѣтъ была преобразована въ духовное училище.⁴⁹⁾

Послѣ пожара, истребившаго большую часть мѣстечка, гр. Н. П. далъ ему новый планъ и помогъ обстроиться. Чтобы развить въ Гомель торговлю, онъ соорудилъ обширный двухъ-ярусный гостиный дворъ, по замѣчанію очевидцевъ, напоминавшій въ маломъ видъ Петербургскій, и учредилъ три ярмарки, привлекавшія ежегодно много торговцевъ; устроилъ въ мѣстечкѣ и въ окрестностяхъ его заводы стеклянныи, кафельныи, для выдулки спирта, юфти и фабрики ткацкую и прядильную; ими управляли французы и англичане, ихъ же соотечественники руководили образцовымъ овцеводствомъ (мериносы и курдюки) и ткацкимъ промѣществомъ; всѣ проѣзжавшіе черезъ Гомель (а онъ лежалъ при большой дорогѣ, соединившей Петербургъ съ Одессой и Кіевомъ, на бойкомъ мѣстѣ, которое трудно было миновать) находили Румянцовское помѣщество однимъ изъ самыхъ богатыхъ и благоустроенныхъ въ имперіи. Въ замкѣ были построены 3 дворца: лѣтній въ два этажа, зимній четырехъ-этажный и падъ самымъ Сожомъ т. наз. Муро, главною примѣчательностью котораго были картинная галерея и библіотека; Никольская церковь съ небольшимъ уніатскимъ монастыремъ, разросшимся около нея, была обращена, послѣ присоединенія немногочисленныхъ уніатовъ къ православію, въ дворцовую.⁵⁰⁾ Кромѣ того, канцлеръ предпринялъ постройку величественной соборной церкви по планамъ архитектора Кларка, которая и была окончена въ 1819 г. Въ 1822 г. онъ выстроилъ для католиковъ каменный костелъ, вмѣсто пришедшаго въ ветхость деревяннаго; помогъ сооруженію и еврейской синагоги;

выстроилъ аптеку и богадѣльню, и въ 1818 г. постоянный мостъ чрезъ Сожъ на сваяхъ. По его приказанию, главныя улицы были вымощены деревянными досками, а порядокъ и чистота охранялись владѣльческой полиціей подъ командой полицеймейстера Фюрстенберга. Все это дѣлало Гомель далеко не зауряднымъ мѣстечкомъ того времени. Присутствіе Ахтырскаго гусарскаго полка и пѣсколькихъ штабовъ придавало ему большое оживленіе; масса помѣщиковъ стремилась сюда съ своими семьями, и въ мѣстномъ „клобѣ“ (клубѣ) царило нескончаемое оживленіе.

На одномъ изъ дворянскихъ собраний въ 1817 году возникла и встрѣтила общее сочувствіе мысль о созданіи въ Гомелѣ высшаго дворянскаго училища или лицея, по образцу Царскосельскаго. Во главѣ этого движенія охотно сталь гр. Николай Петровичъ Румянцовъ, изъявившій желаніе обезпечить лицей ежегоднымъ доходомъ въ 4000 руб. и обѣщавшій построить для него на собственный счетъ каменное зданіе и отпустить матеріалъ для учительскаго дома. Мысль объ учрежденіи въ Гомелѣ высшаго учебнаго заведенія показалась всѣмъ настолько симпатичной, что пожертвованія въ изобилии стекались со всѣхъ сторонъ. По подсчету маршала Долгово-Сабурова, ежегодныя поступленія на содержаніе лицея должны были достигнуть 9547 руб.; кромѣ того, надѣялись на полученіе изъ государственнаго казначейства по 1269 руб. въ годъ. Комплектъ училища проектировался въ 80 учениковъ, половина которыхъ — дѣти мѣстныхъ дворянъ—обучалась бы безвозмездно, а прочие съ платою по 200 руб. ассигнаціями безъ пансіона. Программы занятій и распределеніе курсовъ предполагалось заимствовать у знаменитаго Царскосельскаго лицея. Высшее управление ввѣрялось просвѣщеному вниманію гр. Н. П. Румянцева, а ближайшее завѣдываніе одному или двумъ директорамъ, по выбору дворянства. Какія надежды возлагались на будущій лицей можно судить по слѣдующимъ отзывамъ одного современника: „... Вполнѣ умѣстно было бы, если бы дворянскіе и простыхъ гражданъ сыны учились у одного профессора въ одной учебной залѣ... по моему мнѣнію, никакое заведеніе не возвысило бы столько Гомель, какъ сіе. Съ учрежденіемъ онаго умножилось бы число жителей лучшаго и просвѣщеннѣйшаго класса; сіи жители оказали бы влияніе свое на прочихъ; множество дворянъ здѣсь выстроили бы дома и даже поселились бы жить на время воспитанія дѣтей; разлились бы знатныя суммы по Гомелю и отчасти по окрестностямъ; теперешніе жители выиграли бы весьма и пр. и пр.“

Объ осуществлѣніи проекта лицея ходатайствовали предъ правительствомъ уѣзди. предводитель дворянства Петръ Долгово-Сабуровъ и князь Александръ Кантакузенъ, а престарѣлый канцлеръ, по просьbamъ всего дворянства, согласился просить о томъ же государя. Съ юноше-

скимъ жаромъ принялся гр. Николай Петровичъ за дорогое для него дѣло. Самъ осмотрѣлъ и отвелъ для будущаго лицей лучшее въ городѣ мѣсто (нынѣ на углу Румянцовской и Базарной); самъ же набрасывалъ чертежи и руководилъ подготовительными работами, посѣщая ихъ каждый день: заложенное имъ зданіе еще вчернѣ обѣщало выйти монументальнымъ. Къ зимѣ 1818 г. были выведены фундаментъ съ полуподвальными помѣщеніемъ и два этажа съ высокими окнами и дорическими колоннами, наполовину врѣзанными въ стѣну. Но тутъ канцлеръ, все время съ тревогой слѣдившій за постройкой, началъ ослабѣвать энергией; пришло извѣстіе, что, по несочувствію кн. Чарторыжскаго, попечителя Виленскаго Учебн. Округа, нельзя разсчитывать на правительственную субсидію; средствъ не хватало, да и некоторые изъ сотрудниковъ охладѣли. Дѣло начало мало-по-малу замирать, и въ 1821 г. само дворянство перестало хлопотать о лицѣ.

Такимъ образомъ, все симпатичное начало оказалось, къ сожалѣнію, не больше, какъ пышнымъ пустоцвѣтомъ, преждевременно увядшимъ, а обыватели, мечтавши о высшемъ учебномъ заведеніи, остались и безъ лицея и безъ гимназіи, при одномъ духовномъ училищѣ. Впрочемъ канцлеръ недолго оставлялъ гомельянъ въ такомъ положеніи и вскорѣ учредилъ такъ назыв. „ландкастерскую школу,” где каждый изъ питомцевъ долженъ былъ потомъ самъ обучить начаткамъ грамоты и письма двухъ другихъ, а тѣ въ свою очередь еще нѣсколькоихъ и т. д.⁵¹). Такъ какъ небольшое зданіе этой школы не вмѣщало всѣхъ желающихъ, то канцлеръ построилъ еще двухъ-этажный домъ подъ уѣздное училище.

Рассказываютъ, что гр. Николай Петровичъ вообще тратилъ на школы громадныя суммы, что умѣренный въ своихъ привычкахъ и образѣ жизни онъ мало расходовалъ на себя, одѣвался и держалъ себя просто и былъ легко доступенъ всякому во время обычныхъ прогулокъ по мѣстечку и слободѣ. Онъ очень дорожилъ всякимъ мелочнымъ фактамъ по исторіи Гомеля и пробовалъ самъ собирать матеріалы для нея. Къ старообрядцамъ Н. П. относился съ нескрываемой симпатіей, считая ихъ лучшимъ и трудолюбивѣйшимъ элементомъ населенія, почему и принималъ ихъ охотно въ „свой Гомель,” а обозрѣвая скиты нерѣдко жертвовалъ на ихъ нужды и землю и лѣсь и строительные матеріалы. За то старообрядцы встрѣчали его тамъ съ царскими почестями, выходя за ограду съ крестами, иконами и зажженными свѣчами при колокольномъ звонѣ и пѣніи духовныхъ пѣсенъ; Румянцовъ направлялся въ часовню, прикладывался къ образамъ, и затѣмъ посѣщалъ келлію настоятеля и братскую трапезную, осматривалъ древнія иконы и рукописи и, будучи страстнымъ археологомъ, многія приобрѣталъ себѣ. Монастырская жизнь контролировалась имъ всесторонне, такъ какъ скитники считались его крѣпостными.

Ко всѣмъ своимъ „подданнымъ“ канцлеръ относился замѣчательно мягко, и былъ любимъ всѣми отъ мала до велика; лишь въ послѣдніе годы, одряхлѣвъ и оглохнувъ, канцлеръ сталъ нѣсколько напоминать своего строптиваго отца подозрительностью и недовѣрчивостью.⁵²).

Выѣзжая изъ Гомеля осенью 1825 г., гр. Н. И. уже чувствовалъ слабость и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, сильно расхворался и умеръ 3 янв. 1826 года на 71-мъ году отъ роду. Передъ смертью онъ завѣщалъ брату Сергею Петровичу перевезти его тѣло въ Гомель и похоронить въ лѣвомъ придѣлѣ имъ же выстроеннаго собора, докончить начатыя постройки, освободить отъ крѣпостной зависимости нѣ-

Гр. Н. И. Румянцовъ. 1754—1826.

сколько семействъ и не продавать Гомеля кому бы то ни было, кромѣ казны. Картишную галлерею и богатѣйшую библіотеку онъ отказалъ государству для учрежденія музея и публичной читальни. При погребеніи надгробную рѣчь произнесъ его любимый воспитанникъ и сотрудникъ протоіерей Григоровичъ, знаменитый впослѣдствіи археологъ, трогательно очертивший заслуги его предъ отечествомъ и наукой⁵³); въ лѣнѣ гр. Ник. Петр. Гомель оплакалъ не только замѣчательнаго государственного дѣятеля, но и виновника собственнаго возрожденія.

Его преемникомъ былъ гр. Сергій Петровичъ Румянцовъ, дѣйств. тайн. сов., въ преклонныхъ лѣтахъ; у него были 3 дочери, по фамиліи Кагульскія, которымъ онъ однако не могъ завѣщать своего майоратнаго помѣстія.

Чтобы обеспечить ихъ наличнымъ капиталомъ, онъ въ 1827 г. заложилъ Гомель съ окрестностями въ Государств. Заемномъ Банкѣ за 401100 руб. и черезъ два года еще за 399300 р., и хотя самъ почти не жилъ въ немъ, тѣмъ не менѣе, во исполненіе воли покойнаго брата, старался докончить начатыя имъ постройки: такъ, при немъ возникли Троицкая церковь въ пынившемся ея видѣ и зданіе для духовнаго училища, находившееся рядомъ съ неосуществленнымъ лицеемъ (на нын. Базарн. ул.). Окончивъ это, онъ обратился къ правительству съ предложеніемъ откупить у него Гомель. „Памятуя единственно“, писалъ онъ: „сколько покойный братъ любилъ Гомель, и— что останки его въ немъ, по его желанію хранятся, я не хотѣлъ бы подвергнуть сіе мѣсто премѣненіямъ частныхъ собственостей и посему только предлагаю приобрѣтеніе онаго въ казну, для которой онъ, быть можетъ, съ одной стороны, какъ хороший повѣтовый (уѣздный) городъ, а по военной части, какъ пунктъ кажется довольною важности“. Цѣны онъ не назначалъ, а вычисывалъ валовой доходъ со всего помѣстья въ 76000, и чистый въ 50000 въ годъ. Въ то время въ Гомелѣ числилось 756 ревизскихъ душъ и имѣлось 850 участковъ т. наз. шляхетской земли; казна одно время намѣревалась обратить его въ городское поселеніе. Въ 1834 г. она приобрѣла его въ собственность, освободивъ владѣльца отъ платежа долга, и съ своей стороны не приплачивая ему ничего.

Одновременно и собственно Румянцовская усадьба была приобрѣтена покупкой фельдмаршаломъ Иваномъ Феодоровичемъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, княземъ Варшавскимъ. Знаменитый покоритель Варшавы и усмиритель восстанія былъ для Гомеля вторымъ фельдмаршаломъ владѣльцемъ, хотя впрочемъ сперва только одной части его. Но 6 окт. 1837 г. Императоръ Николай Павловичъ, путешествуя по Закавказью и цѣния побѣды, одержанныя тамъ графомъ Паскевичемъ, подписалъ всемилостивѣйший указъ о пожалованіи ему съ 1 янв. 1838 г. еще одной части мѣстечка.

Такимъ образомъ по правую сторону С.-Петербургской дороги оно отошло въ его частное владѣніе, а по лѣвую осталось въ военно-инженерномъ вѣдомствѣ. Гомельскіе жители изъ крестьянъ были поручены казенному завѣдыванію, но съ платежомъ оброка владѣльцу. Желаю-

щимъ было дозволено выселиться въ д. Якубовку и слоб. Спасову съ правомъ продать принадлежавшіе имъ въ мѣстечкѣ дома, или же перейти въ мѣщанство и въ такомъ случаѣ оставаться въ Гомель на пра-вахъ вольныхъ людей съ платежомъ опредѣленаго чинша за усадьбы. Всѣдѣствіе этого, мѣстечко распалось на два района: меньшій изъ нихъ находился въ вѣдѣніи военно-инженернаго начальства, а большій во власти управляющихъ.

Этими послѣдними было проявлено много стараній и потрачено

Кн. И. О. Паскевичъ. 1782—1856 г.

средствъ для придания мѣстечку виѣшняго блеска, тѣмъ болѣе необходи-димаго, что оно сдѣлалось какъ бы главной военной квартирой, благо-дара пребыванію въ немъ корпуснаго команда-ри и частымъ прїѣздамъ фельдмаршала. Владѣнія послѣдняго расширились, въ сравненіи съ Румянцовскими, и вся историческая почва замка и укрѣпленій отошла подъ княжеский паркъ. Домъ Румянцовыхъ подвергся роскошному ре-

монту. Въ 1838 г. 16 мая въ немъ отъ имени фельдмаршала былъ торжественно встрѣченъ Фхавшт на югъ вел. князь Константинъ Николаевичъ, а въ 1840 г. останавливался съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Императоръ Николай Павловичъ, производившій въ Гомель 4 дневный смотръ войскамъ⁵⁴⁾. Въ 1845 г. 25 мая онъ вторично былъ въ Гомель проѣздомъ. Въ 1851 г. онъ былъ въ третій разъ проѣздомъ, а 6 окт. того же года останавливались во дворцѣ великие князья Михаилъ и Николай Николаевичи.

Слѣдующій 1852 г. былъ для мѣстечка особенно памятнымъ: лѣтнинамъ фельдмаршаломъ мысль о переводе присутственныхъ мѣсть изъ Бѣлицы въ Гомель была одобрена Императоромъ, и 25 септ. 1852 г. появился указъ о назначеніи его уѣзднымъ городомъ; 15 марта 1854 г. повелѣно присоединить заштатный городъ Бѣлицу къ Гомелю въ видѣ предмѣстья, а 23 декабря 1855 г. ему пожалованъ особый гербъ⁵⁵⁾, Управление городскимъ хозяйствомъ поручено 6-и гласной Думѣ.

Въ знакъ особаго благоволенія къ фельдмаршалу Императоръ повелѣлъ въ 1850 г. провести Петербургъ-Кievskое шоссе именно черезъ Гомель, а затѣмъ и первая въ Россіи телеграфная линія Петербургъ-Севастопольская была направлена черезъ имѣніе Паскевича. Какъ и Румянцовы кн. И. Ф. Паскевичъ покровительствовалъ развитію города до самой своей смерти, послѣдовавшей 20 янв. 1856 г. Ему наследовалъ его сынъ ген.-адютантъ кн. Ф. Н. Паскевичъ, издавна приимающій горячее участіе въ разрѣшенія Гомельскихъ нуждъ и вопросъ и вскимъ словомъ и материальной поддержкой.

Не останавливалась на деталяхъ дальнѣйшаго роста и преусиѣянія города, деталяхъ, не всегда представляющихъ объективный интересъ, отмѣтимъ только важнѣйшиѳ моменты и причины его.

Въ 1858 г. въ городѣ вмѣстѣ съ Бѣлицей насчитывалось населенія обоего пола 13659 чел.; городскіе доходы составляли 2740 р. 98 $\frac{1}{2}$ к., а расходы 3064 р. 19 $\frac{1}{4}$ коп.

За послѣдующіе 40 лѣтъ численность населенія возрасла въ 3 $\frac{1}{3}$ раза; городскіе доходы увеличились въ 60 разъ; цифра городскаго долга превысила полмилліона; общая стоимость зданій (по на половину пониженнѣй оцѣнкѣ город. управы) достигла 3700000 руб. и площадь городскаго поселенія расширилась вчетверо. Гдѣ въ 40-хъ г. было нѣсколько сотъ домиковъ; гдѣ въ 70-хъ г. ъздили весной на лодкахъ, пахали землю и молотили въ овиахъ, тамъ сейчасъ бойкія, центральныя улицы, намѣченныя для движенія въ недалекомъ будущемъ электрическаго трамвая. Православное и католич. кладбища, стоявшія

еще въ 60-хъ годахъ на окраинахъ, теперь очутились на многолюдныхъ улицахъ, въ центрѣ городской суеты, а существовавшія 50 лѣтъ назадъ старыя кладбища—русское (на Липовой ул противъ ж. д. больницы) и еврейское (у Бабушкинск. школы на Троицкой ул.) безследно застроились.⁵⁶).

Сооруженіе въ 1873 г. Либаво-Роменской жел. дороги и, 15-ю годами позднѣе, Полѣсской привлекло въ городъ многихъ предпринимателей, вызвало учрежденіе банковъ, конторъ и заводовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнило крестьянско-обывательскій характеръ стараго Гомеля на торговый и маклерскій.

Въ настоящее время трудно предугадать, пойдетъ ли развитіе города такими послѣдними шагами, какъ это наблюдалось въ послѣднее десятилѣтіе, или нѣсколько замедлится; то есть успокоительные симптомы, позволяющіе думать, что онъ вступилъ на путь здороваго нормального роста, при которомъ не опасны и серьезныя экономическія осложненія. Быть можетъ, ему когда-нибудь суждено играть роль виднаго фабричнаго или заводскаго центра, а до тѣхъ поръ ни времія, ни кризисы не отнимутъ у него важнаго коммерческаго (или, вѣрнѣе, комиссіонерскаго) значенія, упроченнаго за нимъ его несравненнымъ географическимъ положеніемъ: оль незамѣнное звено въ торговомъ оборотѣ Приднѣпровскаго края.

Теперь, когда улеглись національныя страсти, не разъ ставившія на карту его существованіе, и расчеты материальнаго характера взяли верхъ надъ прочими соображеніями, остается только пожелать, чтобы лучшія силы всѣхъ элементовъ его населенія были направлены къ мирному и полезному соревнованію на поприщѣ образовательнаго, общественнаго и промышленнаго труда.

Настоящее Гомеля.

Панорама современного Гомеля, если смотрѣть на него въ лѣтнєе время съ лѣваго берега рѣки, производить на глазъ чарующее впечатлѣніе. Внизу у обрыва качаются надъ водой бѣлые корпуса нѣсколькихъ подходящихъ или отходящихъ пароходовъ, обыкновенно переполненныхъ народомъ; на пристаняхъ толпятся группы кіевскихъ богословцевъ; слышны голоса и акценты всѣхъ губерній, заглушаемые пароходными свистками; времія отъ временіи рѣка покрывается зыбью и пароходъ, унося часть публики, дѣлаетъ нѣсколько поворотовъ, обгоняетъ плоты и барки... нѣсколько минутъ, и—онъ скрывается вдали за

желѣзной паутиной повисшихъ подъ водой мостовъ. Вверху на обрывѣ много зелени; вправо бѣлѣеть зданіе духовнаго училища, прямо—уходятъ въ высъ зеленый, флорентійскаго вида куполъ, вѣнчающій бѣлую громаду собора, и изящная княжеская усыпальница съ пятью главами, горящими, какъ червонное золото; лѣвѣ изъ-за деревьевъ видны контуры дворца и башни съ вѣющимъ надъ ней флагомъ; а тамъ мѣстная „Эйфелева труба“, тонкая со стеклянной макушкой и очень похожая на приморскій маякъ; церковь, заводъ, сады и домики безъ конца.

Съ западной стороны городъ имѣть болѣе будничный видъ. Отсутствіе зданій особо изящной архитектуры въ многомъ скрадывается обилиемъ зелени, такъ какъ въ городѣ много садовъ и почти всѣ главные и второстепенные улицы высажены деревьями.

Мостовыя, бульвары и освѣщеніе въ немъ таковы же, какъ и въ большинствѣ нашихъ не только уѣздныхъ, но и губернскихъ городовъ. Съ 1901 г. главныя улицы предполагается даже освѣщать электричествомъ и покрыть сѣтью линій электрическаго трамвая; правительствомъ уже разрѣшено заключить контрактъ на это предпріятіе съ киевскимъ капиталистомъ Б. Кромѣ того, городское управление приступаетъ къ сооруженію водопровода по системѣ артезіанскихъ колодцевъ, существующаго покрыть улицы на протяженіи 19 верстъ. Для осуществленія этого плана дѣлается заемъ въ 200000 руб., часть которого впрочемъ пойдетъ на покрытие небольшихъ долговъ и 20000 на учрежденіе городского ломбарда, въ которомъ уже давно ощущается большая потребность. Городской Думой много сдѣлано по надзору за мясной торговлей, для чего выстроены городскія бойни, обошедшіяся въ нѣсколько десятковъ тысячъ, но за то образцовымъ по санитарной постановкѣ. Въ недавнее время, по требованію военнаго вѣдомства, произведены большія постройки за счетъ города, для помѣщенія нѣкоторыхъ военныхъ учрежденій. Наконецъ, капитальная сумма въ 193000 руб. (изъ нихъ 10000 пожертвованы кн. Ф. И. Паскевичемъ) употреблена на сооруженіе зданія для полной мужской гимназіи, чѣмъ осуществлена мысль, съ давнихъ поръ лелѣянная всѣми гомельянами.

Исполненіе этихъ плановъ не могло, конечно, состояться безъ наличности большихъ денегъ, которыхъ и были получены въ видѣ займа подъ залогъ городскаго имущества въ одномъ изъ учрежденій долгосрочнаго поземельнаго кредита.

Общая картина городскаго хозяйства представлялась по сметѣ на 1899 г. въ такомъ видѣ:

Р а с х о д ы	P.	R.	Д о х о д ы.	
			P.	R.
Содержание обществен. управл. (жад. городск. головъ 2000, двумъ членамъ управы по 1000, канцелярия 7264 и др.	14941		Опѣночный сборъ	20000
Сиротскій судъ.	1000		Сборы съ торговли и промысловъ .	13074
Участіе въ расходахъ по содержанию правительства. учреждений	999,26		Съ городскихъ лавокъ	29431,05
Освѣбц. и отопл. тюремъ	1050		Съ городск. скотобойни	14250
Содерж. город. полиціи	18874		Съ рыбныхъ ловелъ, пароходныхъ пристаний и т. п.	2683,50
Пожарн. команды	5078		Изъ трибыльей банка	5054,79
Благоустройство города(въ томъ числѣ осв. ул. 4335,80; устр. пов. мостов. 4500; рем. стар. 1600; бульв. и сады 700; содерж. прудовъ, каналъ и колодц. 1158,58)	12387		Возвратъ изъ казны	16698,69
Народное образование. (изъ нихъ пособие казнѣ на содер. уч. зав. 12705,72).	13289,72			
На досугройку гимназии	25000		Займы	
Общественное призрѣніе	300			
Медиц., ветерин. и санитарн. частъ .	2622		и др.	
Уплата налоговъ	2677			
Въ уплату долиовъ и процентовъ по нимъ	29930,94			
Воинская квартири. повин. и др. .	33184			
Итого расходовъ	163884 р. 55 к.		Итого доходовъ	163884 р. 55 к.

Испытываемая городской кассой затрудненія и предстоящій дефицитъ обусловливаются въ значительной степени тѣмъ, что городъ несетъ большиe расходы по содержанию военнаго постоянного и ежегодно приплачиваетъ изъ собственныхъ средствъ около 20000 р. Ожидаемое снятие съ города этого расхода сильно улучшитъ финансовое положеніе его и дастъ возможность приступить къ удовлетворенію другихъ давно назрѣвшихъ потребностей.

Такъ, уже много лѣтъ имѣется въ виду увѣковѣчить память гр. Никол. Петров. Румянцова сооруженіемъ на видномъ мѣстѣ безилатной читальни его имени и при ней аудиторіи, зданіе которыхъ было бы украшено девизомъ гр. Н. П. „На благое просвѣщеніе“, (начертаннымъ уже золотыми буквами на фронтонахъ Румянцов. Музея въ Москвѣ); это будетъ лучшимъ памятникомъ признательности великому человѣку.

Справедливую гордость мѣстнаго общественнаго управления составляютъ его труды по народному образованію. Еще при 6-и гласной Думѣ въ 1866 г. была открыта мужская прогимназія, а лишь только было введено въ 1876 г. Городовое Положеніе, то новая Дума съ первыхъ же засѣданій озабочилась учрежденіемъ женской прогимназіи и расширениемъ мужской.

Наконецъ, въ прошломъ году воздвигнуто прекрасное зданіе для полной мужской гимназіи, по красотѣ архитектуры, расположению и удобствамъ, далеко превзошедшее не только свою предшественницу—гимназію XVIII в., но и идеалъ Румянцовскаго лицея, и являющееся однимъ изъ лучшихъ образцовъ этого рода въ нашемъ отечествѣ⁵⁷).

Кромѣ мужской гимназіи, въ Гомелѣ существуютъ женская гимназія, духовное училище, 4-хъ кл. городское, техническое-жел. дор. и при немъ для дѣтей служащихъ церковно-приходское мужск. училиш., а равно и женское, городское приходское училище, сельское и церковно-приход. школа имени Мельниковыхъ; для еврейскихъ дѣтей три училища (изъ нихъ два частныхъ); въ предмѣстіи Бѣлицѣ училища для мальчиковъ и дѣвочекъ. Хотя общее число учащихся достигаетъ полутора тысячъ, но въ процентномъ отношеніи оно не значительно, такъ что возникаетъ вопросъ объ открытии новыхъ, особенно въ такихъ частяхъ города, какъ т. наз. Новая Америка и Слобода, гдѣ следовало бы освободить дѣтей отъ влиянія хедеровъ и начетчиковъ.

Изъ обществъ, пользующихся въ Гомелѣ большой популярностью, нужно указать: 1) городское попечительство о бѣдныхъ, совсѣмъ юное, но чрезвычайно дѣятельное, 2) вольное пожарное общество, пользующееся симпатіями за свою разностороннюю дѣятельность, 3) общество пособія недостаточнымъ учащимся съ давно установленной почтеннейшей депутацией, 4) отдѣленіе общества покровительства животнымъ и 5) музыкально-драматический кружокъ. Уѣздное попечительство о народной

трезвости устраиваеть собесѣданія, вечера и народные спектакли. Возникши въ прошломъ году бесплатные воскресные курсы для народа имѣли прочный успѣхъ.

Въ городѣ нѣть театра, и искусство ютиется лѣтомъ въ павильонѣ на скверѣ, а зимой въ залѣ общественнаго собранія.

Прѣѣзжему въ Гомель трудно будетъ отыскать какіе-нибудь остатки старины; по онъ можетъ осмотрѣть иѣкоторые храмы, зданія общественнаго управления и паркъ свѣтл. кн. Феодора Ивановича Паскевича. Православныхъ церквей въ городѣ и предмѣстіи насчитывается 10 и, кромѣ того, 2 кладбищенскія.

Соборная церковь во имя свв. Петра и Павла, воздвигнутая около 1819 г. кашцлеромъ И. П. Румянцевымъ, отличается, какъ и прочія его сооруженія, при всей простотѣ линій, величавостью общаго замысла. Снаружи она украшена 4 портиками съ дорическими колоннами; внутри такія же колонны образуютъ иконостасъ. Въ правомъ крылѣ ея придѣль во имя св. Николая Чуд., а въ лѣвомъ за престоломъ, можно сказать убогою, рѣшеткой могила строителя храма. Надъ ней памятникъ, исполненный знаменитымъ итальянскимъ ваятелемъ Кановой и поставленный братомъ покойнаго: четырехсторонній пьедесталь, обѣланый чернымъ мраморомъ, и на немъ бюстъ изъ мѣди, изображающей гр. И. П.; надпись трогательно характеризуетъ усопшаго: Воздалъ Божія Богови, Кесарева Кесареви, Отечеству любовію и жертвами. Подъ постамента бронзовое изваяніе, опицетворяющее богиню мира съ масличной вѣтвью и жезломъ въ рукахъ, ногами она попираетъ змѣя, изображающаго злобу враговъ. Эта статуя исполнена, по мысли С. П. Румянцева, въ воспоминаніе мирныхъ трактатовъ: Абоскаго въ 1743 г., заключеннаго его дѣдомъ Александромъ Ивановичемъ, Кайнарджійскаго въ 1774 г., заключеннаго его отцомъ Петромъ Александровичемъ и Фридрихсгамскаго подписаннаго братомъ въ 1809 г. Передъ памятникомъ въ деревянномъ ларцѣ серебряный вѣнокъ, возложенный на могилу канцлера отъ Московск. Архива Минист. Иностранныхъ. Стѣны надъ могилой увѣшаны образами стараго русскаго письма; между ними же копія съ картины Корреджіо „Святое семейство“ и слабое подражаніе Рафаэлевской „Мадоннѣ“. Главной святыней храма считается частица мощей св. Николая Чуд., пожертвованная основателемъ; грамота объ этомъ актѣ, писанная на пергаментѣ, хранится въ алтарѣ ⁵⁸⁾.

Подъ собора на самомъ красивомъ мѣстѣ возвышается за оградой часовня-усыпальница князей Паскевичей и при ней склепъ, въ которомъ погребены фельдмаршалъ Паскевичъ съ супругой и своими родителями. Часовня, въ общемъ, исполненная въ московскомъ стилѣ XVII в.,

Х Р А М Ы.

блещетъ въ деталяхъ чудной венеціанской мозаикой и керамиками; есть чему полюбоваться и снаружи, такъ какъ доступъ внутрь ограниченъ.

На соборной площади видное мѣсто занимаетъ красивая часовня „Въ память Царя-Освободителя Александра II“, воздвигнутая на средства, собранныя по инициативѣ педагогического персонала.

Троицкая церковь—двуъярусная съ лѣтнимъ и зимнимъ храмами—сооружена около 1833 г. на средства гр. Ник. и Серг. Петр. Румянцевыхъ; съ ея колокольни открывается лучшій видъ на городъ.

Спасская—деревянная небольшая церковь на закрытомъ кладбищѣ по Замковой ул., перестроенная 25 лѣтъ назадъ иждивенiemъ жел. дор. служащихъ; при ней каменная колокольня, построенная въ началѣ XIX ст. За алтаремъ храма громадный памятникъ кирпичной кладки, подъ которымъ, по преданию, похоронены кости, вырытыя изъ упраздненныхъ кладбищъ, существовавшихъ въ глубокой древности на Боярской ул. и въ началѣ Замковой.

Ильинская единовѣрческая церковь на Слободѣ въ живописномъ мѣстоположеніи, деревянная, въ ней много иконъ древняго письма.

Во дворцѣ кн. Паскевича существуетъ около 40 лѣтъ домовая церковь, въ которой богослуженіе совершаются только въ лѣтнее время. Церковь при духовномъ училищѣ, тюремная и церковь-школа подлѣ станціи жел. дорогъ, а также строющаяся при мужской гимназіи, имѣютъ характеръ домовыхъ храмовъ и возникли въ самое недавнее время.

Два деревянныхъ храма въ предмѣстіи Бѣлицѣ и по одному на обоихъ кладбищахъ.

Мѣстные старообрядцы имѣютъ двѣ моленные, по виду ничѣмъ не отличающіяся отъ домовъ.

Католический костель (сооруж. въ 1822 г.), долженствовавшій, по мысли канцлера Н. П., напоминать римскій пантеонъ, выдается тѣми же архитектурными особенностями, что и другія его постройки. Фронтоны храма украшенъ изреченіемъ: *Sit nomen Domini benedictum usque ad aeternum* (Да будетъ имя Господне благословенно во вѣки вѣковъ).

Изъ филантропическихъ учрежденій привлекаютъ вниманіе благоустроенные и образцово содержимые на частныя средства кн. И. И. и ѡ. И. Паскевичъ пріютъ для дѣвочекъ-сиротъ и убѣжище для престарѣлыхъ женщинъ, а также дѣтскій пріютъ городского Попечительства о бѣдныхъ.

Большой паркъ кн. Паскевича, одна изъ примѣчательностей Гомеля, открывается для публики съ весны по четвергамъ и воскресеньямъ 5—9 час. в. съ платою за входъ по 12 коп. въ пользу кассы вольно-пожарн. общ. (оркестръ котораго играетъ во время гуляній).

Прѣзжіе могутъ осматривать его ежедневно 9—12 ч. у. въ сопровождении одного изъ привратниковъ. Паркъ пересѣкается оврагомъ Гомеюкомъ, черезъ который перекинутъ, выше вѣковыхъ деревьевъ, длинный какъ бы ажурной работы желѣзный мостъ; желающіе спускаются внизъ, гдѣ также есть красивые мости, павильоны, бесѣдки и пр. Въ паркѣ имѣются чудныя оранжереи, гроты, цвѣтники, фонтанъ; нѣкоторыя аллеи уставлены тропическими деревьями и мраморными статуями; вездѣ электрическое освѣщеніе. Дворецъ—красивое сооруженіе по планамъ итальянскаго архитектора XVIII в. гр. Растрелли (строителя Зимняго дворца въ Петербургѣ, собора Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ и др.); при немъ галлереи и высокая трехъярусная башня, сооруженная архит. Идзиковскимъ. На одной изъ террасъ бронзовая статуя коннаго всадника, изображающая Іосифа Понятовскаго, племянника послѣдняго польскаго короля, (умершаго въ Петербургѣ) и двѣ турецкія пушки, подаренные императоромъ послѣ войны съ Турцией въ 1829 г.⁵⁹). Во внутреннемъ садикѣ надъ рѣкой монументъ въ честь фельдмаршала Паскевича. Въ дворцовой башнѣ имѣются коллекція картинъ художника Суходольскаго, напоминающихъ военные дѣйствія фельдмаршала въ Турціи, Персіи и Польшѣ, и палатка, въ которой императоръ Николай Павловичъ совершилъ кампанію 1829 г. Замѣчательны коллекціи древностей, вазы, подаренные фельдмаршалу Императоромъ Николаемъ I и королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, статуя Аполлона, статуя Императора Николая I и зеленоватая ниша, передѣланная изъ Ахалцыгскаго фонтана. Въ книгѣ для почетныхъ посѣгителей обращаетъ общее вниманіе запись: „Въ знакъ Вашего сердечнаго гостепріимства. Александръ Марія“, сдѣланная собственноручно Императоромъ Александромъ II и Императрицей Маріей Александровной, проѣздомъ останавливавшимися съ 9 на 10 октября 1857 г. у генералъ-адъютанта кн. О. И. Паскевича.—Съ высоты башни открывается одинъ изъ рѣдкихъ видовъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹⁾ Въимасель о западномъ происхождѣніи радиичей давно опровергнутъ (Багалѣй. Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст.).—Тысячу лѣтъ назадъ ѿдѣшній край быль бы неизнаваемъ для современаго обитателя: его покрывали непроходимые лѣса; Сожъ съ притоками запруживался упавшими великанами-деревьями, подлѣ которыхъ копошились неутомимые бобры; берега рѣкъ и озеръ заваливались медомъ дикихъ пчелъ, такъ что пробиравшись сквозь чащу тоитали его ногами; а въ лѣсахъ было много чериатыхъ и всякаго звѣра: тутъ водились лоси, дикие кабаны, медведи, рыси, барсуки и въ болѣе отдаленное время доистонный гигантъ мамонтъ, кости котораго до сихъ поръ разнываются времіа отъ времени половодьемъ. Нѣсколько кликовъ мамонта, добытыхъ иль Сожа, хранится въ коллекціи кн. Паскевича. Къ сожалѣнію, раскопки въ самому городѣ не производились, а разрытие кургановъ во 2 в. отъ Гомеля дало мѣтному любителю археологии Е. Р. Романову самий скучный матеріалъ. (Труды И. М.-ск. Археол. Общ. т. 13).

²⁾ Монеты, въ количествѣ 82, найдены въ землѣ при постройкѣ моста Румянцовамъ. Тогда же „за Сожею у самаго гомельского моста, когда работали плотину, нашли въ землѣ глубоко начертанное на кости боковое изображеніе какого-то вельможи“. (Перенеска Митрон. Кіев. Евгенія съ госуд. канцлер. гр. И. И. Румянц. стр. 69 и 88). „Вѣльзъ 6492 (984) иде Володимеръ на Радимичи“—іѣ Нестор. Лѣт.

³⁾ Изъ описи Гомельской волости 1560 г.: „бояринъ Исаї Харковичъ держить островъ Перуновскій на дерево бортное; широкость того острова отъ верха р. Ути до Латовской границы 3 вер., а впередъ отъ низкаго болота на полверсты“. Въ названіи деревни Волосовичи слышится имя „скотяго бога Волоса“.

⁴⁾ Нельзъ также не обратить вниманіе на то, что нѣсколько фамилій корсуніхъ гомельянъ начинаются тѣмъ же корнемъ Гом... Однимъ изъ участниковъ въ заключеніи перемирія съ Византіей при Аскольдѣ быль нѣкій Гомолъ.

⁵⁾ На старинной картѣ Taurica Chersonesus 1590 а, пер G. Mercatorem онъ называется Homel; на ней же въ изданіи 1643 г. уже Homel; Сожъ называетъ Nereia flumen.

⁶⁾ Въ харатейныхъ спискахъ: „Ростиславъ же со смолляны имѣа въ водости ихъ 4 города“, слѣдов. Гомель въ числѣ ихъ. Еще ранѣе въ 1034 г. „Новгородцы начаша воевати по Днѣпру городѣ Черниговскѣй и взяша Гѣчицѣ на щитѣ и иные городѣ мнозѣ“. Пострадасть ли Гомій въ тотъ разъ, трудно рѣшить.

⁷⁾ „Изяславъ удержанъ за собой Гомій, прельстившись богатствомъ жителей его“, какъ догадываются нѣкоторые (опытъ описанія Могилевск. губ. подъ редакціей г. Дембовецкаго). Подробности въ Никонов. Афтониси: „Князъ же великий Кіевскій Изяславъ Давидовичъ, видѣвъ бѣду и нашастъ на себя, устрашился и воспрепета зѣло и восплакающъ побѣже скоро зъ братаничемъ своимъ со княземъ Святославомъ Владимировичемъ на Вышеградѣ въ Гомію, а по княгиню свою послѣ гонцевъ зѣло скоро въ Кіевъ. Она же бѣжа изъ Кіева къ затю своему ко князю Глѣбу Юрьевичу сыну Долкорукаго во градѣ Переяславль русскій, онъ же проводи ея до Гомія“. Другой афтонисецъ узнавъ объ уходѣ Изяслава къ ватичамъ, подумалъ, что гомѣлане прогнали его, и записалъ: „а Изяславъ бѣжа въ Гоміи и оттолѣ прогнана и въ Ватиче“.

⁸⁾ Кіевскія Афтониси.

⁹⁾ Антоновичъ. Монографіи по исторіи савадной и юго-зап. Россіи.

¹⁰⁾ Wolff. Rѣd Gedimina, 17. Codex epistolaris Vitoldi № CCCLII. А. Кодебу. Свитригайло; приложение стр. 8.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 11) „...Даде Дѣбринскъ (Бранскѣ) въ вотчину, да Гомей да Стародубъ—въ лѣтописахъ.
- 12) Документы Москв. Архива Минист. Юстиціи. Т. I. 1897 г.—„Князю Швитригайлу Гомею“. Кромѣ того были пожалованы „У Гомеи Гарману Радивоновичу дворъ Халыч съ людьми и всимъ”—„Еску слобода отчина его у Гомы“—„Бумонту у Гомы село его, што быль Еско подпросилъ Протасовичъ“ (14 и 41 стр.). Въ Арх. Мин. Юст. Литовск. Метрика. Записи. III. 23.
- 13) Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи. Т. I.
- 14) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ. т. 35, 1882 г. № 2.
- 15) См. примѣч. 24 и 25.
- 16) Акты, отн. къ ист. Запад. Росс. т. I. „Самъ Александръ, Божьею милостью, великий князь Литовскій. Быль намъ чоломъ князь Семенъ Ивановичъ Можайскій... што отецъ нашъ, король его милость, подавалъ етиу его князю Ивану города Стародубъ а Гомей у вотчину, и листъ отца нашего передъ нами вказывалъ и просилъ наасъ, абыхмо ему тые города Стародубъ, а Гомей подтвердили нашимъ листомъ. И мы ему тые города Стародубъ а Гомей подтверждаемъ нашимъ листомъ, тежъ вѣчно, ему и его дѣтимъ, подаѣ листу отца нашего. А на твердость того, и печать нашу казали есмо приложити къ сему нашему листу. Писанъ у Вилни, въ лѣто 7004 мѣсяца юля въ 1 день, индикта 14“.
- 17) Въ Архивѣ Мин. Юст. въ VI книгѣ записей на 87 листѣ и въ Сборникѣ Муханова 1866 г. подъ № 58 помѣщены тексты этой грамоты.—Въ Воскресенской лѣтописи (Поли. Собр. Рус. Лѣт. т. 8, стр. 290) разсказывается: „въ апрѣлѣ прислали къ великому князю Ивану Васильевичу государю всея Руси бити челомъ князь Семенъ... што пришла великаа пужа о Греческомъ законѣ, и государь бы пожаловалъ: взялъ къ себѣ и съ вотчинами. А князь Александръ и въ иныхъ дѣлахъ по докончанию не исправиль“.
- 18) Акты, относ. къ ист. Запад. Россіи, собран. и издан. Археограф. Комис. т. 2, № 62. Сборникъ И. Рус. Ист. Общ. т. 35, стр. 758.
- 19) Акты о. и. Зап. Росс. Т. 2, № 183. Подлинникъ письма къ чечер и пропойск власт. хранится въ Имп. Публичн. Библіот. въ Петерб.
- 20) Воскресен. Лѣтопись (Поли. Собр. Рус. Лѣт. т. 8, стр. 290). Въ другой лѣтописи (т. 6, стр. 297) повѣствуется: „въ лѣто 7044, въ осенинахъ, Божіимъ попущеніемъ за грѣхи наша, приходила Литва на государеву вел. князя украину, на Стародубскіе мѣста, а съ собою имуще много нѣвѣрныхъ, и въ нихъ два злы чародѣи; и окольнымъ градомъ многої шкоды сотвориша: овій плѣниша, а инѣхъ побиваху“.
- 21) Акты о. и. Зап. Росс. Письмо короля, писара Мих. Свиносского къ Юрію Радзивиллу съ поздравленіемъ, по взятіи Гомеля у русскихъ. Акты Южной и Западн. Россіи т. I, № 171. Сборн. И. Р. И. Общ. т. 59, стр. 19.
- 22) Русская Вивліоѳика, т. I, изд. Н. Полевого 1834 г., стр. 161 и 168.
- 23) См. Adam Boniecki, Poczet rodów w wieliem księstwie Litewskiem w XV i XVI w. Warszawa 1887 v, 291 str. i XXIX.
- 24) Акты о. и. Зап. Росс. т. II. Дѣл грамоты 1509 г. и 1541 г. отысканы при Румянцовѣ гомельскимъ протоіер. I. I. Григоровичемъ въ архивѣ Полоцкой Консistorіи.
- 25) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 59, № 14.
- 26) Тамъ же № 21, стр. 341 и Poczet rodów, str. XXIX.
- 27) Архивъ Чго-Зап. Россіи ч. I, т. 4, стр. 450 и 452. Жизнь Курбскаго въ Литвѣ, изд. Киев. Археограф. Ком. т. I, стр. 74. Katalog Wolffs.
- Между тѣмъ въ Москвѣ долго не могли забыть о потерѣ Гомеля и при каждомъ заключеніи договоровъ съ поляками дѣлали усилия склонить ихъ къ возвращенію его; любопытные переговоры происходили въ 1537 г. 28 янв.
- Отдайте Гомей государю нашему,—говорили болре литовскимъ посламъ.
- Неможно, отвѣчали тѣ, онъ уже принадлежить нашему, и мы не въ правѣ уст. нить его. Какъ, по возвращеніи къ себѣ, явили бы мы очи государю нашему?.. Нѣтъ, не бывать этому ни теперъ ни впередъ... Лучше не говорите объ этомъ; досталь нашъ господарь этотъ городъ, отчину свою, такъ зачѣмъ же ему отступаться?

ПРИМѢЧАНИЯ.

Но бояре возражали: Гомей отчина и дѣдина нашего государя, а не вашего; и только несчастная судьба такъ сложилась, что онъ теперь въ вашихъ рукахъ. Если король хочетъ мира, то зачѣмъ же держать чужое? Надо бы отдать его...

Много спорили и каждая сторона говорила: „*городъ Гомей со всѣми волостями надо въ сторону господаря нашего написати*“.

Наконецъ, бояре сказали, что доложать вел. князю. Но малозѣтай Иванъ IV не согласился на уступку и прислалъ сказать: *тому никакъ не быти*. Черезъ два дня переговоры возобновились, спорили ожесточенно и много рѣчей говорили бранныхъ и разсудныхъ, какъ бы прйтти на доброе согласіе, чтобы Гомей у тихъ отговорить, да не отговорили.

Въ послѣдній разъ пошли бояре къ вел. князю, и тотъ рѣшилъ: ради покоя христіанскаго города Гомеля поступится брату своему королю Жигимонту, и рубежемъ между двумя царствами быть рѣкѣ Сожу. Но на этомъ споры не кончились; литовцы выговорили себѣ, кромѣ сель Уваровичъ, Телешовичъ и др., лѣвый берегъ Сожа на протяженіи 30 верстъ.

Уступивъ Гомель по перемирію 1537 г., москов. правительство пять лѣтъ спустя снова пыталось пріобрѣсти его мирнымъ путемъ.—„А и Гомей, панове, вотчина государя нашего и пригоже королю Гомѣя государю нашему поступитися“, говорили бояре литовскимъ посламъ; но ихъ надежды не оправдались. Въ 1549 г. эти заявленія были повторены. Въ 1562 г. бояре съ укоризной говорили литовск. послу: „Отецъ вашего государя Сигизмундъ въ малозѣтство нашего царя нарушилъ миръ и добре согласіе и рѣшился на пролитіе христіанской крови — взялъ Гомей у нашего царя, хотя еще при Василии III онъ былъ оставленъ навсегда за русскими“. Въ слѣдующемъ году то же говорили Хоткевичу; о томъ же твердили въ 1566 и 1567 годахъ. Въ послѣдній разъ потребовали Гомеля у посольства Ина Скроцкаго и, не достигнувъ соглашенія, окончательно отказались 12 мая 1570 г. (Изъ Статейнаго списка, хранящагося въ Моск. Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ, № 306—310, и Сборника И. Рус. Ист. Общ. т. 71).

28) Копа гротей цѣнилась на старинныхъ русскихъ деньгахъ въ 9 рублей. (Безъ-Корниловичъ. Историческ. очерк. Могилевск. губ., 213 стр.).

29) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. I, № 142 и Акты о. и Зап. Рос. т. V. Нельза не отмѣтить малороссійского сродства именъ и прозвищъ у окрестныхъ крестьянъ того времени: Хилимонтъ, Овтухъ, Пронко, Пилинъ, Апанасъ, Грицко, Бюзюка, Ерига, Дорохъ, Ничипоръ, Зенько, Федъко, Оксамитовичъ, Дробышевичъ, Малишевичъ, Позниковичъ, Отрохимовичъ; встрѣчаются имена языческой эпохи, быть можетъ, чисто радимическихъ: Йданъ, Конанъ, Нанъко, Шунко, Гринъ, Бурецъ, Кунрей, Кудинъ, Стома, Курило, Оксюта, Косило, Кобецъ, Годичъ, Губичъ, Зоричъ, Малевичъ, Кокоричъ, Корабичъ, Ботвиновичъ; есть и болѣе странныя: Селимъ, Кучукъ, Уласъ, Амолантъ Турчинъ (мусульманские выходцы?).—Много земель и крѣпостныхъ получили замковый хорунжій Криштофъ Ленскій.

30) *Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego*. На грамотахъ о церковныхъ земляхъ (см. примѣч. 24) имѣются воздѣйшія приписки: „Року 1621 мѣсяца юня 15 дня въ Богѣ велѣбный его милость киръ Іосафъ Кунцевичъ, архієпископъ Плоцкій, къ актикованию до книгъ земскихъ пилоцкихъ у суду покладаль“. Изъ нихъ видно, что, отивъ церковь, онъ закрѣпилъ за униатами и приписаніями къ ней земли.

31) Въ 1633 г. король Владиславъ IV, зная «астроеніе гомелля», приказалъ свѣтло починить мѣстный замокъ на собственныхъ его средства. (Безъ-Корниловичъ. Ист. очерк. Мог. г.).

32) Акты Ю. и Зап. Рос. т. 8, прибав. № 10. Лѣтопись Велички. 1 ч. 90.

33) Въ то время многие евреи, боясь казаковъ, спѣшили принять православіе, но „знову частъ углаждали, до Польши поутекавши жидами позаставалися; рѣдко который додержалъ вѣры христіанской“ (Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго... изд. 1846 г., стр. 11). Число убитыхъ евреевъ показано впервые въ статист.-географ. Словарѣ П. Н. Семенова, а въ первоисточникахъ не встрѣчается; есть много оснований думать, что оно относится къ пѣсколькимъ городамъ, а не къ одному Гомелю (см. Сочиненіе еврея Егошіи о бѣдствіяхъ въ 1648—49 г. въ Членіахъ Ими. Общ. Ист. Древн. за 1859 г. кн. I. Памятники. изд. Киевск. Ком. т. I, 3, стр. 383). Евреи болѣе столѣтія поминали эту рѣзню однодневнымъ постомъ и „скорб-

ПРИМЪЧАНІЯ.

ной молитвой", включенной даже старые Славутинские молитвенники. По еврейск. преданию, избѣгла смерти, только одна еврейск. дѣвушка, укрывшися въ семѣ сердобольного русского.

34) Объ этой осадѣ сохранилось много историч. материаловъ, напечатанныхъ теперь въ XII томѣ Акт. Южн. и Зап. Рос. Любопытные патріотические вымыслы разсказываются о ней въ *Słownik Geograf. Królewstwa Polskiego*. — будто осажденные сдѣлали геройскую вылазку противъ Спасской церкви, всѣ до одного были перебиты (*litwini polegli co do jednego*) и Золотаренко вступилъ въ пустой и беззащитный городъ! (Акты Ю. и Зап. Рос. т. 10, № 15).

35) Памятники, изд. Киевск. ком. III, 3, стр. 91, 93, и 110. Свѣдѣнія о величодушнѣ Золотаренка почерпнуты изъпольскаго источника и, слѣдов., они вѣрѣ всякаго сомнѣнія. — Подканцлеръ литов. Левъ Сапѣга писалъ: „Въ Гомелѣ много народа пристало къ Золотаренку, потому что 10 хоругвей войска, служившаго республикѣ на жалованье, отдали Гомель, покорились измѣнику“.—(Краткое описание о казацкомъ Малороссійскомъ народаѣ и о военныхъ его дѣлахъ, собран. чрезъ бунчукового товарища П. Симоновскаго 1765 г., изд. въ 1847 г. въ Москвѣ, стр. 81).

36) Акты Южн. и Зап. Рос. т. 5, № 6 и 10. Списокъ этой грамоты съ витѣватыми перечисленіемъ изъдугъ Ивана Золотаря, взявшаго Гомель въ 1654 г., и самого Василія находится въ Москов. Арх. Министр. Иностр. Дѣль въ Малорос. д. съзк. 16, № 7.

37) Въ концѣ 1666 г. Мурашкинъ сынъ ходилъ разбойничать, но потерпѣлъ пораженіе и едва спасся съ небольшимъ отрядомъ конницы. (Акты Южн. и Зап. Рос. т. 5, № 87, 127, т. 6, № 43, 45).

38) Архивъ Мин. Иностр. Дѣль, Малорос. д. 1672. № 3; книга 19, листъ 486.

39) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. 9, № 138 и т. 12. Андрей Денис. Мурашка, бывшій конотопскій полковникъ, присягнула царю въ мартѣ 1672 г., потому ушелъ съ Анастасомъ Черкесомъ къ берегамъ Чернаго мора, где участвовалъ въ стычкахъ съ турками; въ Ладижинѣ былъ осажденъ ими и перебѣжалъ къ визирю, но не подадилъ, „скверно браниль султана и визира, что они воровски пришли на украинскіе города, называли воришками, ненадобными и вѣру ихъ проклиналь“. Визирь 3 раза прощалъ его и, наскучивъ, вѣѣль отсѣчь ему голову.

40) Король далъ эту привилегію безъ согласія сейма: *ta constitutia bez powszechny u wszystkich stanow greczy-pospolitey zgody in volumen legum irrepsit*. См. Истор.-юрид. матер. т. IV, универсалы администраціи.

41) Лѣтопись Самовидца, стр. 75.

Шведы пытались исправиться черезъ Сожъ въ 5 в. отъ Гомеля подѣлъ с. Старого.

42) Послѣ Мурашки старостами были: Василій Александровичъ Красинскій, его племянникъ Фома Михайловичъ и сынъ послѣдняго Николай Фомичъ Красинскій. Строилъ ма- чиха, о которой здѣсь говорится, была второй женой Фомы Кр.; это урожд. Елена Грохольская. См. Niesiecki. Korona Polska, Herby Rycerstwa, изд. 1738 г., т. II, стр. 698.

Н. Бантышъ-Каменскій. Историч. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Унії, изд. 1805 г., стр. 245, 275, 278, 279, 425, 428. Памятники, изд. Киев. ком. IV ч. т. I. Меморіаль Петра I польск. посланнику 4 июня 1720 г. Подробности въ дѣлахъ Архива Свят. Синода IV, 29, 37.

43) Balinski. Starożytna Polska. У Батюшкова въ книжѣ: „Бѣлоруссія и Литва“, помѣщена біографія Сестропецевича и портретъ его. *Słownik Geograficzny Kr. Połsk.* Архивъ Чарторыжскихъ хранится въ Краковѣ въ музѣѣ ихъ имени и недоступенъ для публики.

44) Мельниковъ (А. Печерскій). Историческіе очерки поповщины, напечат. въ Русскомъ Вѣстнике за 1866 г. Лицеевъ М. И. Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в., вып. I, 1895 г.

Въ обоихъ сочиненіяхъ разбросано много любопытныхъ свѣдѣній о прошломъ гомельскихъ старообрядцевъ, но у Мельникова правда перемѣшана съ вымыслами и вадоромъ. „Исторія о бѣгствующемъ священствѣ Ив. Алексеевѣ 1755 г.“, напеч. въ Лѣтописахъ русск. литер. и древн., изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV. М. 1862, стр. 66.

45) Такъ, въ 1775 г. полуграмотный мужикъ изъ Спасовой слободы Иларіонъ, по прозвищу „Коровы пожки“, основалъ секту чернобольцевъ; а около д. Крупца показывались на-

ПРИМѢЧАНІЯ.

роду до 1838 г. и севдо-мощи и распространялись „Сказаний о житії и отчасти чудесахъ преп. отца нашего Викентія, иже на Новомъ Крунцѣ“.

46) Въ архивѣ свѣта. кн. О. И. Паскевича (1 папка, 11 свѣзка № 1) имѣется документъ о томъ, что „сѣнокосъ, названный уроцищемъ Щокотъ подъ Севрукамъ“, принадлежалъ въ 1750 г. Конст. Устиновичу и имѣть былъ подаренъ Кульчицкимъ, отъ кот. достался Хельчевскому; никакихъ строений въ то время еще не было. Слово „Бѣлица“ имѣеть три значенія бѣлка-самка, цвѣтокъ (*leucanthemum vulgare*, иначе полевая ромашка) и послушница. — (Нов. полный Геогр. словарь Рес. Гос... Ф. Полунина, изд. 1788 г.).

47) Свѣдѣнія изъ архива Гомельск. Город. Управы. Бѣлицкой Городской Общей Думы нечѣмъ было заниматься: нерѣдко случалось, что подрядъ нѣсколько засѣданій не могли состояться за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было вопросовъ; напр., въ январѣ 1787 г. изъ 4 засѣданій 3 не могли состояться и въ журнальѣ было записано: „Такого-то числа собрались въ 8 час. у., но выслушанія дѣлъ за невступленіемъ ихъ не было; разошлись въ 1 ч. пополудни...“ Въ беззаботномъ, идеалистическомъ городкѣ голова Остапъ Кондратьевъ (и потомъ Иванъ Шумской) и почти всѣ гласные были неграмотны. Еврейскій кагаль былъ такъ силенъ, что безнаказанно высѣкъ розгами „отставного мастера сапожного цеха Боруха Т. за худые его поступки“. (Матер. истор. народн. просв. изъ Арх. М. Н. Пр. т I, стр. 35). Даже въ 1833 г. въ ней было всего на всѣго 1908 жит. при 16 лавкахъ и 21 питейномъ домѣ. (См. Обозрѣніе городовъ Рес. Ими., изд. Мин. Вн. д., стр. 24).

48) Въ этомъ двориѣ фельдмаршалъ принималъ цесаревича Павла Петровича проѣзжавшаго съ супругой на югъ и почевавшаго у него 6 ноября 1781 г. (Дембовецкій. Опітъ описанія Могилев. г.).

49) Свѣдѣнія изъ архива, хранящагося при гомельскомъ Петровавловскомъ соборѣ.

50) Терещенко А. Опітъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, ч. II. 1837, стр. 268. Словарь Географ. Россійск. госуд. А. Щекатова, изд. 1804 г. Митрополитъ Платонъ, проѣзжавший черезъ Гомель 29 мая 1804 г., оставилъ любопытное описание его: „Мѣсто обширное, многими улицами правильно раздѣленное, хорошиими деревянными домами и торжищемъ снабженное; хотя и здѣсь бѣльша часть торговли, къ со-жалѣнію, предана въ руки жидовскія. Домъ господскій вновь выстроенъ каменный, изрядною архитектурою, на прекрасномъ мѣстѣ, на высокомъ берегу большой реки Сожа; но къ удивленію узрѣли возлѣ самаго сего дома деревянный униатскій монастырь, а съ нимъ смежна иранославная наша церковь... Выѣхавъ изъ Гомеля хорошимъ мостомъ черезъ Сожъ, любовались съ другого берега красотою мѣстечка и скоро выѣхали въ новоучрежденій городъ Бѣлицу, который только что порядочно устраивается и населяется раскольниками, почему и церкви тутъ нѣть. Поговорить мало тутъ съ раскольниками, выѣхали въ Добрянку. (Путешествіе Платона Митр. Москов. въ 1804 г., изд. 1813. СПБ.). Гостиившій у Румянцева знаменитый Аракчеевъ также восхищался красотою и благоустройствомъ Гомеля. Въ томъ же духѣ отзывался митроп. Евгений, извѣстн. историкъ и писатель, останавливавшійся у своего друга Румянцева. По поводу проекта назвать одну изъ улицъ Пушкинской, слѣдуетъ замѣтить, что поэтъ А. С. Пушкинъ только могъ быть въ Гомелѣ проѣздомъ на югъ около 10 мая 1820 г.

51) Бѣльша часть этихъ свѣдѣній заимствована изъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ свѣтлѣйш. кн. О. И. Паскевича, доступъ къ которому былъ открытъ автору съ великодушнаго согласія владѣльца.

52) Г. Мельниковъ (онъ же небезызвѣстный беллетристъ А. Нечерскій) набросилъ на Румянцева подозрѣніе, что тотъ былъ „ктиромъ старообрядцевъ и втайне придерживался древляго благочестія“, — фактъ, объясняемый только профессиональнымъ пристрастіемъ его къ „сообщеніямъ“. Онъ же баснословитъ, что управляющій мѣстечкомъ Яковъ фонъ-Фокъ (потомъ начальникъ III отд. собств. Е. Ими. Вел. канцел.), „разбиралъ монастырскія ссоры до того простеръ заботу о цѣломудріи разгульныхъ инокинь и бѣлицъ Спасовой с. ободы, что возвелъ въ санъ игумены (?) дѣвичьаго монастыря инока, не принявъ во вниманіе, что избранная по административнамъ соображеніямъ инокина принадлежитъ къ другому полу“... (Русск. Вѣстникъ за 1866 г. Историч. очерки поповщины).

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ИСТОРИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНИЙ О ГОМЕЛЬ.

53) Канцлеръ получилъ серьеcное образование въ Лейденскомъ университете, находился иерепись съ Вольтеромъ, отличался любовью къ истории, которая даже обязана ему отысканиемъ и опубликованиемъ зачfательныхъ материаловъ. Ихъ издано много ученыхъ трудовъ, ариженя первая русская кругосвѣтная экспедиция и собраны цѣнныя коллекціи монетъ, материаловъ и т. д. Основанные имъ Румянцовскій Музей и библиотека служатъ до сихъ поръ украшениемъ Москвы. (Отечеств. Записки 1826 г. № 76.—Сѣвери. Архивъ 1828 г. № 3, стр. 134.—Русск. Архивъ 1869 г., стр. 811).

54) Вѣроятно, къ этому времени относится переданный въ „Огонькѣ“ за 1882 г. разсказъ о случайной встречѣ на вечерней загородной прогулкѣ Императора съ шкловскимъ раввиномъ, пріѣхавшимъ нарочно для того, чтобы увидѣть Государя, но не имѣвшимъ случая. Принимаемый раввиномъ то за полковника, то за генерала, Императоръ уѣхалъ въ неподѣльности его чувствъ и на слѣд. день, садясь въ коляску, чтобы уѣхать, наградилъ оробѣвшаго раввина золотой медалью.

55) Еще въ 1849 г. кн. И. Ф. Паскевичъ велъ переписку по этому поводу съ Могилевской губерни. М. М. Гамалѣемъ.—Гербъ города изображаетъ въ верхней части старый Могилевскій гербъ, а въ нижней бывшій Бѣлицкій — рысь, дарованный Бѣлицѣ въ знакъ того, что „таковыхъ звѣрей въ окрестностяхъ сего города весьма много“.

56) (Планы мѣстечка Гомеля 1799 и 1830 г. въ архивѣ кн. Паскевича). Первымъ городомъ годовою была приведенный изъ Бѣлицы Миронъ Лаппо; затѣмъ гг. П. Мельниковъ, И. Н. Зубаревъ и Яновскій. Съ 1876 г. въ новой Думѣ — А. В. Крушевскій, Н. М. Осмоловскій, баронъ С. И. Ноѣкенъ и А. Б. Станевичъ.

57) Могилев. Губ. Вѣдом. 1866 г. № 15; 1879, № 96; 1899 г. № 7, 8.

58) Текстъ этой грамоты: „Благодаря къ Всевышнему, Государственный Канцлеръ Графъ Румянцовъ приносить въ достояніе Гомельской соборной церкви, во имя Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, изживленіемъ его устроиной, часть мощей Святителя и Чудотворца Николая, въ ковчегѣ перламутровомъ, который оправленъ золотомъ, также части мощей разныхъ святыхъ православной Греческой и Россійской церкви, въ двухъ среброозлащенныхъ вѣтахъ. Считая съ своей стороны нужнымъ, до кого сѣ касается, удостовѣрить, что мощи св. Николая приобрѣты Графомъ Румянцовы отъ Княгини Елизаветы Захарьевны Кантакузеной, изѣстной по знаменитости рода своего и благочестивой жизни, а другое достались ему въ наслѣдство, онъ желаетъ, чтобы сія святими, посвящаемая имъ храму Божію, оставалась въ ономъ неотъемлемо и въ настоящемъ своемъ видѣ на вѣчныя времена. Въ уѣреніе сего подписаны руки своей съ приложеніемъ печати свидѣтельствуетъ Графъ Николай Румянцовъ. Въ Гомелѣ, 1825 г. марта 17 дня“.

59) Іос. Понятовскій въ 1812 г. былъ назначенъ Наполеономъ въ командующіе польскихъ войскъ, потомъ Варшавскимъ ген.-губернаторомъ; въ 1813 г. въ первый день битвы подъ Лейпцигомъ получилъ званіе маршала Франціи, а въ третій, послѣ пораженія, спасаясь бѣгствомъ, утонулъ въ р. Эльстерѣ. Статуя исполнена изѣстнымъ датскимъ ваletемъ Торвальдсеномъ, по заказу полковника, но была окончена уже послѣ восстания 1830 г. и потому подарена императоромъ фельдмаршалу. (См. Михайловскій-Данилевскій. Исторія войны 1813 г. и Словарь Березина, — „Понятовскій“. Дембовецкій. Опытъ описанія Могилевской губерніи).

Сводная таблица историческихъ свѣдѣній о Гомелѣ.

Радимичи. Гомій.

Кн. Игорь Ольговичъ.

1142 г. Нападеніе кн. Ростислава Смоленского

Кн. Изяславъ Давидовичъ.

1158. Вел. князь Изяславъ и кн. Святославъ Владимиrow. укрываются въ Гомелѣ.

1161. Кн. Святославъ Ольговичъ.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ИСТОРИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНИЙ О ГОМЕЛЬ.

1166. Захватъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ.
Кн. Олегъ Святославичъ.
Кн. Игорь Святославичъ.
Упадокъ въ нашествіе татаръ.
Сближеніе съ Литвою.

1430. Кн. Святригайло Ольгердовичъ.
1446. Кн. Василій Ярославичъ Боровскій.
1452. Кн. Святригайло Ольгердовичъ.
Кн Иванъ Андреевичъ Можайскій.
1483. Кн. Семенъ Ивановичъ.
1500. Присоединение къ Московскому государству.
1516. Нападеніе литовцевъ.
Кн. Димитрій Щепинъ-Оболенскій.
1535. Осада кн. Радзивилломъ.
Кн. Александръ Андреевичъ Каширскій.
1536. Кн. Василій Юрьевичъ Толочинскій.
1541. Янъ Дорошкевичъ.
1543. Янъ Хрщоновичъ.
1547. Онікей Горностай.
Коленицкій и Тышкевичъ.
1560. Опись замка.
Михайло Мишка-Варховскій.
1576. Графъ Богданъ Саныга.
1610. Андрей и Павелъ Саныги.
1635. Александръ и Сигизмундъ Служки.
1649. Нападеніе полковника Небабы
1654. Осада наказн. гетманомъ Золотаренкомъ. Рудскій.
1657. Казачій полковн. Нечай.
1661. Пожалованіе Василію Золотаренку.
Андрей Денисовъ Мурашка.
1666. Осада Мурашки въ Гомелѣ.
1670. Торговая привилегія Гомелю.
1684. Отпаденіе гомельскихъ селъ къ Малороссіи.
Старости Красинскіе и стѣсненія гомелланъ
1720. Заступничество Цара Петра I.
Пересе еніе старообрядцевъ
1737. Канцлеръ Литовскій кн. Михаилъ Чарторижскій.
1772. Присоединеніе Гомеля къ Россіи.
1773. Назначеніе уѣзднымъ городомъ.
1775. Пожалованіе фельдмарш. гр. П. А. Румянцову.
1777. Основаніе Бѣлицы.
1796. Канцлеръ гр. Н. П. Румянцовъ.
1797. Первая Гомельская гімназія.
Дѣятельность Румянцова для возвышенія Гомеля.
1817. Приготовленіе къ учрежденію лицей.
1826. Гр. С. П. Румянцовъ.
1834. } Переходъ въ казну и приобрѣтеніе фельдмаршаломъ кн. И. О. Паскевичемъ.
1838.
1852. Возвращеніе мѣстечку Гомелю значенія города.